Великая Отечественная: Неизвестная война

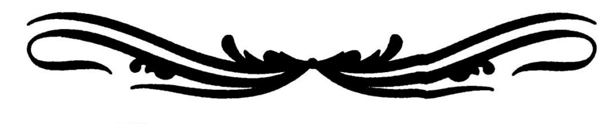
Детектор правды

Виктор СУВОРОВ

Великая Отечественная: Неизвестная война

Виктор Суворов

Детектотр правды Виктор Суворов

Москва
«ЯУЗА-ПРЕСС»
2011

УДК 355/359
ББК 68
Д 38

Оформление серии *П. Волкова*

Д 38 Детектор правды Виктор Суворов / [авт.-сост. : Д. Хмельницкий]. — М. : Яуза-пресс, 2011. — 320 с. — (Великая Отечественная: Неизвестная война).

ISBN 978-5-9955-0228-9

«Книги Виктора Суворова стали настоящим ДЕТЕКТОРОМ ЛЖИ — после публикации знаменитого «Ледокола», буквально взорвавшего советскую мифологию Второй Мировой и перевернувшего прежние представления о причинах и виновниках величайшей трагедии XX века, на автора ополчился весь исторический официоз и посыпались заказные «разоблачения» и проклятия кремлевского агитпропа. Но бестселлеры Виктора Суворова -- это еще и ДЕТЕКТОР ПРАВДЫ: несмотря на негласную цензуру, всё больше независимых историков со всего мира выступают в его поддержку и находят всё новые подтверждения его сенсационной гипотезы.

В юбилейную, десятую книгу проекта «Правда Виктора Суворова» включены лучшие статьи, доказывающие, что в 1941 году Сталин действительно готовился напасть на Германию и «советизировать» Европу, и проливающие свет на самые запретные страницы прошлого. Сам Виктор Суворов не только одобрил этот проект, но и предоставил для книги свою новую работу, еще не известную читателям».

(От составителя)

УДК 355/359
ББК 68

ISBN 978-5-9955-0228-9

ПРЕДИСЛОВИЕ СОСТАВИТЕЛЯ

Проблемы изучения предпосылок Второй мировой войны не ограничиваются ответом на вопрос, который задал Виктор Суворов, — «Готовил ли Сталин нападение на Европу?».

Исчерпывающий ответ самого Суворова и его ключевые выводы подтвердило множество других исследователей из разных стран мира. Да, Сталин готовил мировую войну и был одним из двух ее основных виновников. Причем главным. Именно от Сталина зависело в конечном счете, сохранится в Европе (и на других континентах) мир или нет. Подрыв хрупкого политического равновесия в мире и провокация войны, в которую СССР смог бы вступить в нужный момент и с выгодой для себя, были главной целью Сталина после его прихода к абсолютной власти в конце 20-х годов.

Альтернативной версии поведения Сталина до войны, хоть как-то объясняющей его внешнюю и внутреннюю политику, сегодня не существует, и нет ни малейших шансов, что она появится в будущем.

Однако процесс изучения истории по-настоящему только начинается после решения главных исторических загадок. Ответ на вопрос о целях и намерениях Сталина тянет за собой уйму вопросов, касающихся того, как он решал поставленную перед собой задачу.

Пока только в самых общих чертах известно, как Сталин обеспечил на пустом месте, без малейших финансовых, материальных и технологических ресурсов строительство многомиллионной высокомеханизированной армии;

откуда добыл средства и рабочую силу для создания тяжелой промышленности, без которой возник-

новение развитой военной промышленности было бы невозможно; какими способами принудил население выполнять его планы;

какие конкретные военно-политические планы разрабатывал в 30—40—50-е годы;

как обеспечивал себе внешнеполитическую поддержку демократических государств, которые, по логике вещей, не могли испытывать к нему и к его государству ничего, кроме глубокого отвращения;

И т. д. и т. п.

Открытыми остаются и многие частные вопросы истории Второй мировой войны, например военные преступления Красной Армии на оккупированных ею немецких, восточно-европейских (да и на своих собственных) территориях. Да и вопрос о том, какие именно территории можно считать советскими, тоже неясен.

Поскольку хорошо известно, что военно-политическим планам (грубо говоря, планам военной агрессии вовне) были подчинены все действия Сталина во всех остальных областях жизни, то можно с полным правом считать изучение экономики, политики и культуры сталинской эпохи частью изучения сталинской военной истории.

И наоборот — изучение военной истории неотделимо от изучения экономики, культуры и политики сталинского государства.

По-настоящему и всерьез работа по комплексному изучению истории сталинской эпохи началась в России не так давно, только после развала СССР, снятия цензурных запретов и возникновения пусть и ограниченного, но доступа к архивным документам эпохи.

Предлагая читателям очередной сборник из серии «Правда Виктора Суворова» со статьями историков из разных стран, касающихся самых разных аспектов истории Второй мировой войны, мы надеемся внести вклад в консолидацию знаний по этой, во многом еще очень загадочной, теме.

Дмитрий Хмельницкий

Виктор СУВОРОВ

КАТЫНЬ ИЛИ ХАТЫНЬ?

Правители Советского Союза нашли радикальное решение для проблемы Катыни: Хатынь!

В ходе Второй мировой войны на оккупированных территориях, особенно в Белоруссии, шла настоящая гражданская война: нацистские оккупанты творили неисчислимые злодеяния, народ воевал как против нацистов, так и против коммунистических партизан, коммунистические партизаны воевали как против нацистов, так и против собственного народа. Количество жертв не поддается никакому учету. В Белоруссии могилы прошлой войны — везде. А по лесам все еще валяются неубранные кости убитых. Были разрушены десятки и сотни городов, тысячи предприятий, взорваны тысячи мостов и неисчислимые километры железных дорог, сожжены, часто вместе с жителями, сотни и тысячи деревень.

После войны были подведены итоги. И вдруг в списке уничтоженных оккупантами населенных пунктов мелькнуло такое красивое название: Хатынь!

И было решено раздуть культ деревни Хатынь. На это были брошены огромные средства. Район уничтоженной деревни был объявлен государственным заповедником. На месте Хатыни был построен мемориальный комплекс площадью 26 гектаров, впоследствии расширенный до 50 гектаров. Гранит поставляла Украина, белый мрамор — Сибирь. Были возведены

грандиозные монументы и бронзовые статуи, зажжен вечный огонь, открыт музей, каждые 30 секунд звонят колокола. В Хатынь стали возить школьников и ветеранов, там стали принимать присягу молодые солдаты, туда везли туристов со всего мира, на святые могилы женихи приводили невест и тут клялись в верности, священники творили молитвы, помахивая кадилами.

Про Хатынь писали статьи и книги. Про Хатынь снимали фильмы. Хатынь! Хатынь! Хатынь!

Вершиной прославления Хатыни стала выставка в Минске «Хлебное и кондитерское дело-2010». На выставке был представлен свадебный торт «Хатынь». Кондитер вылепил из шоколада центральную статую мемориального комплекса — непокоренный человек с трупом мальчика на руках и счастливую пару молодоженов у подножия обелиска. Мастер шоколадного дела явно рассчитывал сорвать первый приз. Потому как любое упоминание Хатыни всегда поощрялось по высшей шкале. Труп шоколадного мальчика, надо полагать, следовало скушать во время свадьбы.

Деревень на оккупированных территориях Советского Союза сожжено тысячи. Но нас заставляли помнить только одну — Хатынь.

Если вы сегодня спросите любого русского школьника про Катынь, то он вам быстро и четко ответит: Хатынь? Как же, как же. Знаю. Это деревня. Немцы ее сожгли. Но спросите его: а можешь ли назвать имя еще одной сожженной немцами деревни?

Этого он сделать не может.

Спросите любого взрослого русского человека: назовите деревни, которые сожгли немцы. Он без запинки назовет Хатынь и... И это все.

Мой компьютер работает на русских программах. Я пишу «Катынь», а он мне отвечает: допущена грамматическая ошибка, такого слова нет. Спрашиваю: а как надо писать? Умная машина отвечает: «Хатынь».

В «Советской военной энциклопедии» не упомянута Катынь, но есть статья про Хатынь.

Постойте! Это ведь Военная энциклопедия. Почему в ней упомянута только одна сожженная деревня, если их сожгли тысячи? Давайте или все перечислим, либо ни одну по имени вспоминать не будем. Отчего великий почет одной деревне, если их было много? Зачем тратить деньги на возведение монументов именно в Хатыни, а не на месте сожженной деревни Ивановки или Петровки? Зачем лепить шоколадные трупы именно этой деревни, но не соседней?

В русском языке на это есть ответ: НА ВОРЕ ШАПКА ГОРИТ.

Тот, кто совершил преступление, своими действиями выдает себя. Зачем создан культ деревни Хатынь? Чтобы затмить и заслонить преступление в Катыни. Это прием карточных шулеров — передернуть карту. Мы задаем вопрос об одном, а нам дают ответ о чем-то совсем другом.

Если бы польских офицеров в Катыни расстреляли немцы, то зачем советскому руководству надо было отвлекать внимание народа от Катыни, выставляя вместо этого другую трагедию в Хатыни?

Интересно проследить во времени процесс замещения Катыни Хатынью.

В 1954 году Большая Советская Энциклопедия на карте в районе Минска не показывает никакой Хатыни.

В 1956-м Большая Советская Энциклопедия добралась до буквы «С», на карте Смоленской области показана Катынь.

В 1969 году Главное управление геодезии и картографии при Совете Министров СССР издало грандиозный «Атлас СССР». В этом очень подробном атласе уже нет никакой Катыни. Правда, еще не появилась и Хатынь.

В 1971 году Хатынь прочно занимает место на картах.

Затраты на строительство колоссального комплекса в Хатыни себя оправдывали. В 1974 году президент США Ричард Никсон во время официального визита в

СССР посетил Хатынь в полной уверенности, что вечный огонь горит на могиле польских офицеров. Никто из советских официальных лиц не пытался вывести высокого гостя из этого столь Кремлю желанного заблуждения.

В то же самое время ряд польских организаций в Лондоне пытался пробить разрешение на возведение скромного обелиска жертвам Катыни. Отказ властей Лондона был мотивирован просто и убедительно: зачем скромный монумент в Лондоне, если есть грандиозный в Хатыни!

Но вот рухнул Советский Союз, и некоторые тайны приоткрылись. И последний президент Советского Союза Горбачев, и первый президент России Ельцин полностью признали вину Сталина, коммунистической партии и НКВД в уничтожении польских офицеров.

Федеральная служба безопасности Российской Федерации (ФСБ РФ, в девичестве — КГБ СССР) опубликовала сборник документов «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне» (Москва, 1995).

Редакционную коллегию возглавил директор ФСБ генерал-лейтенант С. В. Степашин. В составе редакционной комиссии — все тогдашнее руководство ФСБ: генерал-полковники А. П. Быков и В. М. Зорин, вице-адмирал П. Ф. Дубровин, генерал-лейтенанты А. А. Краюшкин, В. А. Тимофеев, Ю. Н. Степанов, В. И. Кравцов, генерал-майор В. Е. Мануильский и другие ответственные товарищи.

В сборнике документов помимо прочего помещена выписка из протокола заседания Политбюро ЦК Коммунистической партии от 5 марта 1940 года (стр. 156).

Это официальное решение Сталина и его подручных об уничтожении польских офицеров. На следующей странице — Приказ НКВД № 886/Б начальнику управления по делам военнопленных П. К. Супруненко о составлении точных списков польских офицеров, содержащихся в советских лагерях.

После этого — доклад председателя КГБ А. Н. Шелепина Никите Хрущеву от 3 марта 1959 года: расстреляно в Катыни 4431, в Старобельском лагере — 3820, в Осташковском лагере — 6311, в других лагерях и тюрьмах — 7305.

Публикация этих документов — официальное признание вины высшим руководством советской тайной полиции. Никто из всех названных товарищей за такие откровения не был наказан и не был назван фальсификатором. Наоборот, авторы сборника поднялись высоко. Председатель редакционной комиссии С. В. Степашин стал министром юстиции, затем — министром внутренних дел, далее премьер-министром России.

Но вот все изменилось. Рассекреченные документы вновь стали секретными. Правители России заявили: раз поляки нас не любят, мы не будем сотрудничать в деле расследования преступления в Катыни и других местах массового уничтожения пленных офицеров.

Где логика?

Если поляки вас почему-то не любят, то, наоборот, надо срочно открыть все свои тайники и показать: мы ни в чем не виноваты! Или наоборот: да, это вина кровавого режима! Вы можете нас не любить, но мы ничего не прячем, преступления сталинского режима осуждаем.

Но все обстоит прямо наоборот. Центральная газета Министерства обороны «Красная Звезда» (15 апреля 2006) публикует статью о том, что во всем виноваты немцы, а поляки используют это преступление, чтобы «устраивать вакханалии на костях собственных граждан». Так прямо и написано: — вакханалии на костях собственных граждан!

Вышла книга какого-то Мухина о том, что Катынь — это провокация против России. Сталин ни в чем не виноват. Это преступление Гитлера, а поляки используют преступление, чтобы досадить Москве.

И вот после такой идеологической подготовки 22 мая 2008 г. Главная военная прокуратура отказалась

передавать материалы по Катыни польской стороне. Обоснование: большинство из 183 томов имеют гриф «Секретно» и «Совершенно секретно».

Вот и все. И это признание. Официальное и окончательное.

Давайте на секунду поверим, что поляков расстреляли немцы. Что же получается? Преступление совершено семь десятков лет назад. Гитлеровской Германии давно нет. Советского Союза нет уже два десятка лет. Нет ни гестапо, ни СС, ни НКВД. Но современная демократическая Россия почему-то хранит документы о преступлениях гитлеровцев, как великую государственную тайну России.

Как известно, Главная военная прокуратура России укомплектована не самыми умными людьми. Вы только послушайте: преступление совершили гитлеровцы, но мы об этом никому не скажем, мы навеки это сохраним под грифом «Секретно» и «Совершенно секретно».

Объясните же мне, зачем хранить секреты гитлеровских преступников всей мощью Государства Российского?

Закон России требует открывать архивы через 30 лет. Почему вопреки законам «преступление гитлеровцев» нельзя рассекретить через 70 лет?

Заявление о том, что «преступления СС» раскрывать нельзя, свидетельствует только о том, что Главная военная прокуратура укомплектована скрытыми гитлеровцами, которые, однако, своего нацистского нутра даже и не прячут. Главная военная прокуратура готова нарушать законы России, лишь бы миру не стали известны подробности кровавых преступлений Гитлера, лишь бы даже и через семь десятков лет мир не узнал имена фашистских палачей. Но если так, то вся Главная военная прокуратура должна давно сидеть в Лефортове.

И если Генеральный прокурор России покрывает подчиненных ему военных прокуроров, то и ему место на нарах.

Граждане прокуроры, туши шапки!

Джахангир Наджафов[1]

ДИЛЕММА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ДЕМОКРАТИЯ ИЛИ ТОТАЛИТАРИЗМ

...Будем копить наши силы для того времени, когда расправимся с Гитлером и Муссолини, а заодно, безусловно, и с Чемберленом.

Жданов А. А. Доклад на партийной конференции в Ленинграде 3 марта 1939 г.

...Берлин, и вся война на территории Германии, и вообще вся война за границами СССР были первой битвой Сталина с бывшими союзниками, а вовсе не завершением войны.

Попов Г. Х. Три войны Сталина. М. 2006. С. 91.

На исходе второго года Второй мировой войны, с нападением гитлеровской Германии на сталинский Советский Союз, последний примкнул к уже воюющей коалиции западных демократических стран, восприняв провозглашенную ими двуединую цель войны — уничтожение гитлеризма (нацизма) и построение лучшего послевоенного мира. Но так как новоявленная Советско-западная коалиция объединила государства с разнородными социальными системами и различными долгосрочными целями, последствия мировой войны

---

[1] *Наджафов, Джахангир Гусейнович*, ведущий научный работник-консультант Института всеобщей истории РАН. Занимается общими проблемами истории XX века.

оказались не теми, какие желала бы каждая из сторон. Да, с тоталитарным германским нацизмом, представлявшим общую угрозу, было покончено. В то же время сталинский Советский Союз воспользовался победой союзников над Германией, чтобы навязать свои порядки странам Центральной и Восточной Европы, которые оказались под его военным контролем. Очень скоро континент оказался разделенным взаимной враждебностью, на этот раз между тоталитарным Советским Союзом и демократическим Западом.

Неоднозначные последствия мировой войны, по окончании которой между победившими союзниками возникла «холодная война», вновь и вновь ставят вопрос, чем же была Вторая мировая война, если, развязав один узел противоречий — в результате победы над нацизмом, — она завязала другой тугой узел противоречий на том же глобальном уровне. Отсюда попытки вычленить главную, определяющую черту в характеристике минувшей мировой войны. При этом в центре внимания оказался вопрос о ее причинах, глубинных истоках и предпосылках. Выяснилось, что то или иное истолкование происхождения мировой войны предопределяет, в общем и целом, вывод о направленности войны. С соответствующими последствиями — непосредственными и длительными.

Исследовательский интерес к мировой войне подогревается противоречивостью ее оценок, содержащихся в бессчетном количестве публикаций. Их авторы, включая мемуаристов и историков, отличаются несхожестью суждений по многим вопросам. В том числе по принципиальным — о причинах и сущности мировой войны. Разброс мнений является данностью, отражая, с одной стороны, сложность проблематики мировой войны; с другой — различия в подходах, обусловленные исходными идейными позициями.

Понятно, что невиданное ожесточение враждующих сторон, вынудившее побежденных к безоговорочной капитуляции, нуждается в должном постижении.

адекватного смысла войны, охватившей весь мир; ее роли и месту в историческом процессе. Однако в пылу бесконечной полемики (которая не ограничивается рамками историографии, перекинувшись в сферу международной политики) по вопросу о том, кто и как развязал всеобщий вооруженный конфликт, ввергнув народы мира в страшное кровопролитие, а кто своей политикой так или иначе содействовал этому, мировоззренческий, идеологический фактор — важнейший для познания феномена Второй мировой войны — как бы отодвигается на задний план.

Между тем Вторая мировая война, в отличие от Первой, переросла рамки традиционного межгосударственного соперничества, выявив еще на ранней стадии развивавшегося конфликта несовместимость жизненных принципов противников. Само складывание коалиций враждующих государств шло по признаку общности их общественно-политического устройства: тоталитарные против демократических. Стремление Советского Союза возвыситься над противоборствующими капиталистическими коалициями вылилось в его соучастии в войне вначале на стороне нацистской Германии, затем — на стороне демократического Запада, что уже исключает однозначную оценку советской роли в минувшей мировой войне.

Прямая, открытая конфронтация мировых идеологий, по существу, и предопределила расстановку сил. Каждая из идеологий враждующих сторон — нацистская, коммунистическая, либерально-демократическая — выступала как наднациональная идеология, обращенная во внешний мир — «граду и миру»; каждая претендовала на максимальное распространение. Но если первые две идеологии представляли воинственные силы тоталитаризма с достаточно предсказуемыми последствиями их торжества, то за либерально-демократическую идеологию говорил наработанный исторический опыт продвинутых стран западной цивилизации.

Конфликт идеологий явился результатом противоположных представлений о лучшем миропорядке. На вызовы времени стороны конфликта давали разные ответы. Ответы лидеров национал-социалистической Германии и коммуно-социалистического Советского Союза повторяли тоталитарный опыт их стран, отражая линию на последовательную социализацию жизни всеми средствами, вплоть до варварских. Страны западной демократии, хотя и предлагали далеко не новые рецепты, но апеллировали к универсальным человеческим ценностям. Таким, как «четыре свободы» американского президента-либерала Ф. Рузвельта: «свобода слова и самовыражения; свобода каждого исповедовать веру в Бога своим путем, повсюду в мире; свобода от нужды и свобода от страха»[1]. Жесткое конкурентное сосуществование столь несовместимых идеологий, по логике истории, не могло длиться слишком долго.

При этом приходится считаться с причудливым сплетением разнонаправленных интересов, сказавшихся на целевых устремлениях участников войны. Одни страны — Англия, Франция, США — отстаивали не только завоевания западной цивилизации, но и свои доминирующие позиции в мире. Другие были заражены амбициями как расово-великодержавными — Германия, Япония, так и классово-имперскими — Советский Союз. Третьи — Китай, Эфиопия, Бельгия и большинство стран, вовлеченных в водоворот мировой войны, вынужденно прибегли к самозащите.

Разрушительные по своей ориентированности нацистская и марксистская идеологии сами по себе являлись источником международной напряженности. Д. М. Проэктор, много занимавшийся историей Второй мировой войны, причины экспансионизма тоталитарных государств усматривал в политике их лидеров, осознавших, что переход мирового сообщества

---

[1] См. *Наджафов Д. Г.* Нейтралитет США. 1935–1941. М., 1990. С. 148–149.

в новое историческое качество «подорвет основы их власти: у нацизма — расовую доктрину, у сталинизма — доктрины классовой борьбы и мировой пролетарской революции»[1]. Расставаться же с властью, с этим «наслаждением из наслаждений» (М. Джилас), диктаторы не желали больше всего.

Тоталитарные режимы XX века — времен И. В. Сталина, А. Гитлера, Б. Муссолини — возникли для достижения целей, вытекавших из определенных идеологических установок. Целей как внутренних, так и внешнеполитических, с преобладанием последних[2]. С такой постановкой вопроса согласен В. С. Лельчук, возглавлявший международную ассоциацию «Изучение сталинизма и его последствий»[3]. Он следующим образом характеризует признаки, раскрывающие тоталитарную сущность сталинизма: 1) повседневная практика насильственного создания общества, где безраздельно господствует одна форма собственности (государственная), одна идеология (марксизм-ленинизм), правит одна партия (коммунистическая), руководит один лидер (верный ленинец); 2) неуклонное стремление преобразовать мир по образцу и подобию социализма, официально провозглашенного в СССР[4].

Но не для всех отечественных историков такое определение сталинизма, увязывающее внутреннюю политику с внешней, оказалось приемлемым. Вопреки логике причинно-следственной связи между внутренней и внешней политикой в ходу утверждения,

---

[1] *Проэктор Д. М.* Размышления о холодной войне. Россия и Германия в годы войны и мира (1941–1995). М., 1995. С. 395.

[2] *Загладин Н. В.* Тоталитаризм и демократия: конфликт века // XX век. Многообразие. Противоречивость. Целостность. М., 1996. С. 16–17.

[3] Международная ассоциация «Изучение сталинизма и его последствий» была создана по инициативе известных ученых и деятелей искусств Англии и СССР, ее конференции и симпозиумы проходили в Лондоне, Москве, Афинах, Барселоне.

[4] *Лельчук В. С.* Апогей и крах сталинизма. Страницы российской истории. М., 1998. С. 5.

будто сталинская внешняя политика (в кричащем отличии от внутренней) была реалистичной, рациональной, даже единственно возможной. Но если от критики сталинизма отсекается его внешняя политика, то многое в нем так или иначе оправдывается. Отсюда продолжающиеся усилия скрыть роль сталинского Советского Союза в возникновении Второй мировой войны, что сделало этот вопрос одним из самых охраняемых тайн сталинизма. Область внешней политики все еще остается прибежищем сталинизма. В интересах объективного анализа генезиса мировой войны сталинская внешняя политика заслуживает самого пристального внимания, а именно — ее экспансионистская суть, классово-имперские цели.

Сверхзадачей агрессивных режимов стала форсированная милитаризация экономики с целью подготовки завоевательных войн. Из многочисленных трудов по предыстории Второй мировой войны хорошо известно о планомерной подготовке к войне Германии и Италии в Европе и Японии на Дальнем Востоке. О подготовке к войне Советского Союза В. М. Молотов, возглавлявший правительство в 1930—1941 гг., впоследствии говорил: «Прирост военной промышленности в предвоенные годы у нас был такой, что больше было уже невозможно!» И он же: «Готовились с колоссальным напряжением, больше готовиться, по-моему, невозможно. Ну, может быть, на пять процентов больше можно было сделать, но никак не больше пяти процентов»[1]. Начиная с октября 1938 г., читаем в одной из последних работ В. Суворова, по приказу Сталина каждый вечер каждый директор военного завода лично отчитывался перед Москвой за выполнение дневного задания[2].

---

[1] *Чуев Ф. М.* Молотов: Полудержавный властелин. М., 1999. С. 45, 47. См. также: *Самуэльсон Л.* Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921—1941. М., 2001.

[2] *Суворов В.* «Военная наука» на советский манер. // Правда Виктора Суворова. Переписывая историю Второй мировой. М., 2006. С. 21.

При работе над четвертым томом многотомной «Истории Второй мировой войны»[1], посвященным начальному периоду советско-германской войны (я был членом редколлегии и одним из авторов тома), возникла идея дать во введении к тому обобщенную картину соотношения сил будущих главных участников мировой войны — их армий, вооружений и т. п. Но пришлось отказаться от этого, так как среди государств мира явное первенство в деле милитаризации принадлежало как раз Советскому Союзу. По официальным данным, известным с советских времен, ежегодный прирост военной продукции в 1938—1940 гг. составлял 39%, втрое превосходя прирост всей промышленной продукции[2]. По тем же данным, в первые три года третьей пятилетки (1937—1939 гг.) на оборону шло 26,4% всех бюджетных ассигнований, в 1940 г. 32,6%, в 1941 г. 43,4%. Германия и Англия в это время тратили на военные нужды примерно 15% бюджета[3].

Иллюстрируя вышесказанное, можно сослаться на официальную запись заседания военных миссий СССР, Англии и Франции, состоявшегося в Москве 15 августа 1939 г. К этому времени длительные советско-западные дипломатические переговоры об организации противодействия агрессии гитлеровской Германии переросли в стадию военных переговоров. На заседании советская военная миссия представила план, по которому в случае ожидаемого немецкого нападения на Польшу СССР готов был выставить против агрессора 120 пехотных дивизий (каждая численностью 19 тысяч человек), 16 кавалерийских дивизий, 5 тысяч тяжелых орудий, 9—10 тысяч танков, 5—5,5 ты-

---

[1] История Второй мировой войны. 1939—1945. В 12 т. М., 1973—1982.

[2] См. *Мельтюхов М. И.* Преддверие Великой Отечественной войны. 1939—1941 гг. Становление великой державы // Правда Виктора Суворова. Переписывая историю Второй мировой. С. 72.

[3] См. *Фельштинский Ю.* Десять лет спустя. Историческая концепция Виктора Суворова // Там же. С. 157.

сячи бомбардировщиков и истребителей[1]. От этих цифр у англо-французских участников военных переговоров «буквально перехватило дух»[2]. При этом советская сторона исходила из того, что Германия может бросить против Польши до 90 дивизий[3].

Следует подчеркнуть и тот факт (ранее замалчиваемый, ныне общепризнанный) — что к 22 июня 1941 г., началу советско-германской войны, по количественным параметрам перевес, притом значительный, был на стороне советских вооруженных сил. Из авторской работы над материалами упомянутого 4-го тома «Истории Второй мировой войны» (не все они вошли в окончательный текст) я вынес убеждение, что первоначальные успехи немецкой армии, с пленением нескольких миллионов красноармейцев, во многом объяснялись неготовностью многих наших людей умирать за советскую власть. Какого иного отношения следовало ожидать от советских людей в военной форме, преимущественно выходцев из крестьян, после жестокостей коллективизации, раскулачивания, голодомора, Большого террора 1937—1938 гг.? Война с гитлеровской Германией стала всенародной — поистине Великой Отечественной советского народа, когда немцы осадили Ленинград, стояли у Москвы и дошли до Сталинграда. Когда встал вопрос о выживании народа и страны, о защите чести и свободы людей.

В последний год перед гитлеровским нападением были приняты указы Президиума Верховного Совета СССР (они, как правило, писались Сталиным и лишь подписывались «всесоюзным старостой» М. И. Ка-

---

[1] Запись заседания военных миссий СССР, Англии и Франции. 15 августа 1939 г. // СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны. (Сентябрь 1938 — август 1939 г.): Документы и материалы. М., 1971. С. 574.

[2] *Ширер У.* Англо-французские переговоры с Советским Союзом летом 1939 года // От Мюнхена до Токийского залива. Взгляд с Запада на трагические страницы истории Второй мировой войны. М., 1992. С. 39.

[3] Там же. С. 576.

лининым), чрезвычайно строго регламентировавшие труд рабочих и служащих. Газета «Правда» в передовой статье от 3 августа 1940 г. «Внешняя политика великой страны социализма» реализацию одного из таких указов, датированного 26 июня 1940 г., поставила в непосредственную связь с тем, как «учит нас товарищ Сталин, — нужно держать весь наш народ в состоянии мобилизационной готовности». Что это означало, растолковал через несколько дней тот же центральный партийный орган в передовой «За высокую дисциплину труда в колхозах». Требование «необходимости крутых мер» против лодырей, тунеядцев, «сидящих на шее колхозов», газета дополнила примером передовиков производства на селе: встают «рано утром, до 5–6 часов, и кончают работу в поле после захода солнца. Они разумно используют каждый час, не теряют ни одной минуты»[1]. Работа от рассвета до захода солнца — это 12 часов рабского труда. Деморализующие последствия сталинских репрессивных указов не заставили себя ждать.

Установка свыше «держать весь наш народ в состоянии мобилизационной готовности» естественно вытекала из присущей российской истории и доведенной при советской власти до предела базовой дихотомии — когда в подходе к внешнему миру во главу угла ставится различение «свой — чужой». Свойственное в принципе любому обществу, говорится в исследовании «Левада-центра», в нашем российском случае «оно принципиально, конститутивно и поддержано разными институтами — в первую очередь институтами власти». Такими архаичными отношениями, говорится далее в исследовании, «пронизано все общество, они закреплены в государственной идеологии, легитимируют власть и составляют основу ее авторитета. Обусловленная историей приверженность к таким отношениям ведет к изоляционизму, к острому недоверию

---

[1] Правда. 1940. 9 августа.

к внешнему миру и к особым способам интеграции общества — оно интегрируется по отношению к любым чужим»[1]. Так оправдывается внешняя политика, исходящая исключительно из сугубо эгоистических, экспансионистских расчетов. Что особенно верно для сталинского режима, когда и произошло становление советской тоталитарной системы как таковой.

Советский Союз, неизменно настаивавший на уникальности своего положения в системе международных отношений — как единственная в мире страна социализма, с приближением всеобщего вооруженного конфликта все больше укреплялся в выгодах своей антикапиталистической позиции — обстоятельство чрезвычайной важности для понимания происхождения Второй мировой войны. На это обстоятельство обращал внимание еще в далекие советские времена Д. М. Проэктор в статье о Второй мировой войне для Большой Советской Энциклопедии. В кризисные предвоенные годы, говорилось в статье, межимпериалистические противоречия «развивались параллельно и во взаимодействии с противоречиями между двумя системами», которые характеризуются автором как «главное противоречие эпохи»[2]. Другими словами, факторами мировой войны были как «межимпериалистические противоречия», так и антагонизм двух систем.

На весьма любопытные соображения о направленности предвоенной международной политики СССР наводят сталинские правки в международный раздел последней главы «Краткого курса истории ВКП (б)», увидевшего свет в середине сентября 1938 г. То есть еще до сговора в Мюнхене (когда на главах Англии и Франции Н. Чемберлене и Э. Даладье еще не было

---

[1] Фоторобот российского обывателя. Свой — чужой. // Новая газета. № 60. 18.08.—20.08.2008 г. С. 8.

[2] *Проэктор Д. М.* Вторая мировая война 1939—1945. // Большая Советская Энциклопедия. 3 изд. М., 1971. С. 480.

клейма «мюнхенцев»), ставшего еще одним оправданием для проведения Сталиным особого, сепаратного внешнеполитического курса в преддверии вооруженного конфликта в Европе. В отпечатанный текст вписан целый абзац, в котором, говоря о двух сложившихся капиталистических коалициях, Сталин подчеркнуто не отдавал предпочтения ни одной из них. Хотя и разделял их участников на «агрессивные» и «неагрессивные» государства, которые, однако, по его мнению, были одинаково враждебны революционным движениям. Пикантность пространной сталинской вставке придавала ее заключительная фраза — угроза «исторического возмездия», высказанная в адрес правящих кругов Англии и их друзей во Франции и США[1].

Имелась в виду, конечно, и антизападная заостренность захватнических планов нацистской Германии. «Кремлевский горец» еще долго будет строить свои расчеты на том, что нападение на СССР не входит в первоначальные планы Гитлера. Вот как Сталин правил то место международного раздела последней главы «Краткого курса истории ВКП (б)», в котором говорится о немецком плане насильственного пересмотра границ европейских государств (сталинская правка выделана курсивом): «*По этому плану предполагается:* сначала захват Австрии, потом удар по Чехословакии, потом, пожалуй, — по Польше, где *тоже* имеется целостная территория с немецким населением, граничащая с Германией, *а потом... потом «видно будет»*»[2]. Давнее предположение Сталина, что германская агрессия в первую очередь будет развиваться в за-

---

[1] Замененные страницы с правкой Сталина. // Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Фонд 558. Опись. 11. Дело 1217. Лист 33. Текст «Международного раздела» последней 12-й главы «Краткого курса истории ВКП (б)» с правкой Сталина впервые опубликован в газете «Правда» 19 сентября 1938 г.

[2] Глава XII «Краткого курса», раздел 1. Международный. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1216. Л. 620.

падном направлении, против Франции и Англии[1], переросло в уверенность, что так оно и будет.

1—3 сентября 1939 г. «вторая империалистическая война», о начале которой Сталин впервые публично объявил за год до этого, переросла, как он и предсказывал, в войну мировую, всеобщую. Чему решающим образом он содействовал, заключив пакт о ненападении с Гитлером. Сам Гитлер так оценивал стратегическое значение советско-германского пакта для реализации его программы завоеваний в Европе: «В первый раз за последние 67 лет можно констатировать, что нам не придется вести войну на два фронта. Наступили такие условия, о которых мечтали, начиная с 1870 г.... Сейчас (ноябрь 1939 г. — *Д. Н.*) Восточный фронт удерживается силами нескольких дивизий. Создалась такая обстановка, которую раньше мы считали совершенно невозможной»[2].

В Кремле же играли в большую геополитику, прекрасно сознавая, что пакт одномоментно и круто изменил баланс сил в Европе. Достаточно сослаться на заявление В. М. Молотова, подписавшего пакт вместе с И. Риббентропом, сделанное на сессии Верховного Совета СССР 31 августа, о том, что советско-германский пакт знаменует *«поворот в истории Европы, да и всего мира»*[3]. Следующим днем, 1 сентября 1939 г., как раз и датируется Вторая мировая война, которая действительно стала поворотным актом в мировой истории. Оправдались предположения тех евро-

---

[1] Рукопись статьи М. Н. Тухачевского «Военные планы Гитлера» с правкой И. В. Сталина. 29 марта 1935 г. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 168, 169.

[2] Совещание руководителей Вермахта 23 ноября 1939 г. (выступление Гитлера) // «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967. С. 77—78.

[3] Выступление В. М. Молотова на внеочередной IV сессии Верховного Совета СССР 1-го созыва. 31 августа 1939 г. // Известия. 1939. 1 сентября. Курсив мой.

пейских политиков и дипломатов, которые считали, что всеобщий вооруженный конфликт на континенте невозможен до тех пор, пока не определится позиция СССР.

Сталин был готов к такому повороту событий. Вот какую линию внешней политики следовало, по его собственным словам, проводить Советскому Союзу в начавшейся войне между странами «враждебного капиталистического окружения». Через несколько дней после перерастания «второй империалистической войны» в войну «всеобщую, мировую» Сталин инструктировал руководителя Коминтерна Г. Димитрова (по дневниковой записи Димитрова):

Война «идет между двумя группировками капиталистических стран за передел мира, за господство над миром!», «мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга», «неплохо, если руками Германии было [бы] расшатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии)», «Гитлер, сам не понимая и не желая, расшатывает, подрывает капиталистическую систему», «мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались»[1].

Обосновывая подход к Второй мировой войне под классовым углом, Сталин писал по ее окончании, что война была порождена дальнейшим углублением «общего кризиса капитализма», выход из которого каждая из «вцепившихся друг в друга» капиталистических коалиций (тех самых, которых в разное время поддерживал Советский Союз, чтобы они «лучше разодрались») видела в том, чтобы «разбить противника и добиться мирового господства». А главным результатом мировой войны считал то, что образовался «единый

---

[1] Из дневника Г. Димитрова об указаниях И. В. Сталина по вопросу о характере начавшейся мировой войны и задачах компартий. // Политбюро ЦК РКП (б) — ЦК ВКП (б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. М., 2004. С. 779–780.

и мощный социалистический лагерь, противостоящий лагерю капитализма»[1]. Противопоставив «лагерь социализма» и бывшим врагам, и бывшим союзникам, Сталин по-своему, по-марксистски объяснил, почему в ходе мировой войны отношения СССР с ее участниками основательно менялись — от сотрудничества к враждебности и наоборот, когда это отвечало классово-имперской стратегии Советского Союза.

На закрытом совещании в ЦК ВКП (б), подводившем итоги малоудачной войны с Финляндией зимой 1939–1940 гг., Сталин наглядно раскрыл смысл договоренности с Гитлером — заключение советско-германского пакта о ненападении за несколько дней до всеобщего конфликта. Оправдывая свое нападение на Финляндию (под предлогом обеспечения безопасности Ленинграда), он сослался на подходящую международную обстановку — войну Германии против Англии и Франции, когда «три самые большие державы вцепились друг другу в горло». Когда же решать вопрос о Ленинграде, говорил Сталин, «если не в таких условиях, когда руки (капиталистических противников СССР. — *Д. Н.*) заняты и нам представляется благоприятная обстановка, чтобы их в этот момент ударить»[2].

Советская внешняя политика, лишенная опоры в виде рациональной теоретической системы (марксизм-ленинизм не мог и не стал такой опорой), была далека от отстаивания идеалов демократии и свободы. Не была она и подлинно антифашистской. Как известно, главным в государственной конструкции Советского Союза и, следовательно, основой советской внешней политики было «строительство социализма в одной, отдельно взятой стране». Обо-

---

[1] *Сталин И. В.* Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1953. С. 71–72.

[2] И. В. Сталин и финская кампания (стенограмма совещания при ЦК ВКП (б)) // Зимняя война 1939–1940. В 2-х кн. М., 1999. Кн. 2. С. 272.

ротной стороной медали была антикапиталистическая стратегия, принятая на вооружение с момента прихода к власти большевиков в 1917 г. С тех пор остальные страны как были, так и оставались «враждебным капиталистическим окружением». При этом борьба против «буржуазно-демократического» Запада была фактором первостепенной важности. М. И. Мельтюхов (получивший известность своей книгой «Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу. 1939—1941 гг.») пишет, что с самого начала стратегической целью советской внешней политики «стало глобальное переустройство системы международных отношений, что делало основными противниками Англию, Францию и их союзников»[1].

Антикапиталистический тренд внешней политики страны социализма, заложенный Лениным, был закреплен Сталиным. Примерно на рубеже 1936—1937 г., разуверившись в действенности коминтерновского лозунга народного фронта против фашизма и войны и политики коллективной безопасности (в попытке углубить «межимпериалистические противоречия», противопоставив одни капиталистические государства другим), Сталин возобновляет критику с классовых позиций и «фашистских агрессоров», и «так называемых демократических стран». Тем самым задача раскрытия объективно существовавшего конфликта между демократическими и тоталитарными государствами была заменена пропагандой своего рода внешнеполитической версии известной сталинской формулы «социал-фашизма». Лидеров германской социал-демократии, расчистивших, по мнению Сталина, «своей соглашательской политикой дорогу для фашизма»[2], сменили западные «провокаторы войны», расчищавшие путь для агрессии гитлеров-

---

[1] *Мельтюхов М.* Преддверие Великой Отечественной войны 1939—1941 гг.: Становление великой державы» // Правда Виктора Суворова. Переписывая историю Второй мировой. М., 2006. С. 32.

[2] Краткий курс истории ВКП (б). М., 1938. С. 289.

ской Германии[1]. В сталинском «Кратком курсе истории ВКП (б)» утверждалось, что западные демократические страны «больше боятся» мирового революционно-освободительного движения, чем фашизма и его агрессии[2]. По этой логике, разоблачение и борьба против «провокаторов войны» на Западе становились предпосылкой и условием успешной борьбы с мировым фашизмом, олицетворяемым германским нацизмом.

И много лет спустя советские руководители оставались в плену представлений об антисоветском капиталистическом Западе, заданных сталинским «Кратким курсом истории ВКП (б)». Страны Запада оказывались виноватыми и тогда, когда пошли на «мюнхенский сговор», и тогда, когда «сорвали» тройственные англо-франко-советские переговоры в Москве, которые велись с объявленной целью предотвратить войну; и тогда, когда после ее начала не оказали, вопреки ожиданиям в Москве, должного, т. е. продолжительного, сопротивления Германии; наконец, и тогда, когда затягивали с высадкой своих войск на севере Франции. Виноваты были все страны — и «агрессивные», и «неагрессивные». Потребность во внешнем враге была присуща советскому руководству во все времена.

Среди части историков существует мнение, что при Сталине произошел отход от линии Коминтерна на мировую революцию (противоположного мнения придерживаются, вероятно, большинство исследователей вопроса). Сторонники такой точки зрения, думается, не учитывают в должной мере известное ленинско-сталинское положение о СССР как *базе и инструменте мировой революции*[3]. Ни один из совет-

---

[1] Отчетный доклад т. Сталина на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП (Б) // XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г. С. 13–14, 15.

[2] Краткий курс истории ВКП (б). С. 319.

[3] Речь И. Сталина на пленуме ЦК ВКП (б) о программе Коминтерна. 5 июля 1928 г. // Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М., 1998. С. 670.

ских руководителей — преемников Ленина (исключение можно сделать разве что для М. С. Горбачева), никогда не отказывался от коминтерновских идей. И за пределами Советского Союза никто всерьез не верил в то, что Кремль отказался от глобальных коммунистических планов. Роспуск Коминтерна в 1943 г. означал не отказ от революционно-силовых установок в международных отношениях, а стал результатом возраставшей опоры в борьбе против мирового капитализма на военно-стратегические возможности СССР.

При той же долгосрочной цели — низвержения капиталистических правительств, где только для этого представятся возможности, — менялись лишь методы и средства ее достижения. Известно, например, видение хода мировой революции Сталиным как процесса, совпадающего с территориальным расширением СССР и усилением его роли в переустройстве мира. Произошло вполне назревшее слияние понятий «мировая пролетарская революция» и «мировое господство Советского Союза», писал по этому поводу М. С. Восленский[1]. Экспансию 1939—1940 гг. против своих соседей с запада советские руководители оправдывали расширением сферы социализма за счет капитализма. А итоги Второй мировой войны оценивались *прежде всего и главным образом* как еще один, после Октябрьской революции, сильнейший удар по капитализму.

Постоянно декларируя антикапиталистические приоритеты советской внешней политики, кремлевские руководители демонстрировали перед всеми верность наказу авторов «Коммунистического манифеста», призывавших коммунистов не скрывать того, что «их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего об-

---

[1] ***Восленский М.*** Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. Издание второе, исправленное и дополненное. Лондон, 1990. С. 481.

щественного строя»[1]. Насилие было самым существенным признаком советской системы в соответствии с марксистско-ленинским определением государства как орудия диктатуры пролетариата. «Конечно, — соглашался В. М. Молотов, — без органов госбезопасности советской власти не было бы»[2]. К. М. Каганович оправдывал массовые репрессии 1930-х годов тем, что члены сталинского руководства «были под властью идей наступления на советскую власть»[3]. Г. А. Арбатов, многие годы связанный с функционированием политических механизмов советской системы, пишет, что эти механизмы «больше приспособлены для того, чтобы захватить и удерживать власть — власть, чем бы это ни прикрывалось и ни оправдывалось, узкой группой людей, нежели для того, чтобы управлять на общую пользу делами государства, решать появляющиеся проблемы»[4].

При анализе сущности Второй мировой войны не избежать постановки вопроса о степени воздействия на систему международных отношений XX века такого мощного евразийского геополитического образования, каким была Российская империя в ее новом коммунистическом обличье. Линия великодержавной преемственности между Россией царской и советской, прослеживаемая в «национальном большевизме» Сталина, вполне естественно вела к «советскому глобализму» — созданию максимально разветвленной системы имперских отношений и зависимости[5]. Что отвечало

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии. М., 1952. С. 71.

[2] *Чуев Ф. М.* Молотов... С. 470.

[3] *Чуев Ф. М.* Так говорил Каганович. Исповедь сталинского апостола. М., 1992. С. 45.

[4] *Арбатов Г. А.* Человек системы. Наблюдения и размышления очевидца ее распада. М., 2002. С. 317.

[5] См. *Наджафов Д. Г.* Советский глобализм: теория и практика. // Советская внешняя политика в ретроспективе. 1917–1991. М., 1993. С. 160–170.

традиционному стремлению России к беспредельному территориальному расширению и столь же ее традиционной склонности противопоставлять себя другим странам. «Факт остается фактом, — пишет В. Булдаков в своей книге «Красная смута», — «республика», возглавляемая цареубийцами... пройдя путь от разнузданнейшей анархии к железной деспотии, ухитрилась разгромить почти всех своих противников и не теряла надежды на то, чтобы навязать свою волю всему миру. Это было подобием религиозной войны — того, что по-настоящему меняет ход истории»[1].

Советские руководители чем дальше, тем больше чувствовали себя продолжателями российских имперских традиций. Так, говоря о причинах «зимней войны» 1938—1939 г. с Финляндией, Сталин выразился так: «Мы знаем из истории нашей армии, нашей страны, что Финляндия завоевывалась 4 раза... Мы попытались ее пятый раз потрясти»[2]. Продолжилась традиция соединения собственно политической истории страны с проблемами международных отношений, когда любое решение или действие рассматривалось сквозь призму великодержавности и военно-стратегических интересов. В приверженности архаичной идее классовой борьбы и следовании российской имперской традиции, вопреки печальным для ряда империй последствиям Первой мировой войны, был заложен конечный развал Российско-Советской империи.

Совпадение (но только на первых порах) экспансионистских устремлений лежало в основе взаимного тяготения сталинского Советского Союза и гитлеровской Германии, которые в августе — сентябре 1939 г. заключили между собой два договора — Договор (более известный как пакт) о ненападении 23 августа и Договор о дружбе и границе 28 сентября. Тоталитар-

---

[1] Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 231.

[2] Зимняя война. 1939—1940. С. 274.

ные режимы, немецкий национал-социализм (нацизм) и советский коммуно-социализм (сталинизм), стремились не просто к перераспределению в свою пользу территорий и влияния, а намеревались изменить направление общественного развития, перестроив мир по своему образу и подобию.

Глава советского правительства В. М. Молотов в ходе советско-германских переговоров в Берлине в ноябре 1940 г. говорил Р. Гессу, заместителю Гитлера по руководству нацистской партией: «В СССР и Германии много аналогичного, так как обе партии и оба государства нового типа»[1]. Действительно, в обеих странах налицо были атрибуты тоталитарной системы «партия-государство»: господствующая безальтернативная партийная идеология и государственное насилие как основной метод решения внутренних и внешних проблем. В свою очередь, свою заинтересованность в заключении пакта с Советским Союзом германская сторона была не прочь подкрепить ссылкой на идеологическую общность двух стран, призывая «считаться с тем, что капиталистические западные демократии являются непримиримыми врагами как национал-социалистской Германии, так и Советского Союза»[2].

Когда кинорежиссер М. А. Ромм снял документальный фильм «Обыкновенный фашизм», по большей части состоящий из трофейной хроники и поражавший зрителя зримым сходством порядков в гитлеровской Германии и в Советском Союзе, главный идеолог КПСС М. А. Суслов спросил режиссера: «Михаил Александрович, за что вы нас так не любите?»[3].

---

[1] Записи бесед Молотова с Шуленбургом в Москве и Герингом и Гессом в Берлине // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 1а. П. 26. Д. 5. Л. 59.

[2] Памятная записка, врученная В. М. Молотову Ф. Шуленбургом 15 августа 1939 г. // Год кризиса. Т. 2. С. 233.

[3] *Кречетов А.* О сравнении нацизма и сталинизма // http://www.bbc.co.uk: — BBC Russian.

По свидетельству очевидцев, дочь одного из кремлевских руководителей отозвалась об этом фильме как «антисоветском».

За время «советско-германской дружбы» — официальное определение характера сложившихся двусторонних отношений после заключения пакта о ненападении, сталинский Советский Союз немало содействовал военным успехам Германии в обмен на геополитические выгоды для себя. Возможность приступить к проведению «советских мероприятий» на всем протяжении от Балтийского до Черного моря — от Финляндии до Румынии — была куплена за счет обеспечения Германии на время ее войны в Западной Европе «спокойной уверенности на Востоке»[1].

Вторая мировая война началась с нападения двух тоталитарных государств, Германии и Советского Союза, на Польшу, получившей в марте — апреле 1939 г. гарантии безопасности со стороны государств европейского Запада, Англии и Франции. Нападение германских войск на Польшу 1 сентября 1939 г. было согласовано со стратегическим партнером на Востоке при заключении в Москве за несколько дней до этого пакта о ненападении между Германией и Советским Союзом с его секретным приложением о разделе Польши. Сохранилась географическая карта Польши, заверенная подписью самого Сталина, с проведенной по ней линией разграничения действий советско-германских войск. После вступления в войну против Польши Советского Союза 17 сентября появилось германо-советское коммюнике о задачах советских и германских войск, действующих в Польше, в котором официально заявлялось о соответствии их действий «духу и букве» пакта о ненападении между Германи-

---

[1] Внешняя политика Советского Союза. Доклад председателя Совета народных комиссаров и народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова на заседании Верховного Совета СССР 1 августа 1940 г. // Правда. 1940. 2 августа.

ей и Советским Союзом[1]. Так во всеуслышание было заявлено о том, что советско-германский пакт о ненападении в действительности был пактом войны, а не мира. Пауза, взятая Сталиным перед объявлением об «освободительном походе» Красной Армии против Польши, понадобилась, чтобы избежать объявления войны со стороны Англии и Франции, как это они уже сделали в отношении Германии 3 сентября.

По поводу совместного советско-германского военного разгрома Польши В. М. Молотов даже не пытался сдерживать эмоции. С высокой трибуны он восторженно говорил о том, как быстро удалось покончить с независимостью Польши: достаточно было короткого удара «со стороны германской армии, а затем — Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора, жившего за счет угнетения непольских национальностей». В то же время Молотов высмеял провозглашение английским правительством целью войны с Германией «уничтожение гитлеризма», заявив, что «не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за «уничтожение гитлеризма», прикрываемую фальшивым флагом борьбы за «демократию»[2].

Впервые положение о «преступности» войны западных стран против нацистской Германии появилось в правительственных «Известиях» 9 октября 1939 г. в статье «Мир или война?», в которой Советский Союз официально поддержал «мирные предложения» Гитлера, призванные закрепить результаты совместной германо-советской военной кампании против Польши. Изучение архивного фонда И. В. Сталина показы-

---

¹ Германо-советское коммюнике. 16 сентября 1939 г. // Документы внешней политики СССР (ДВП СССР). Т. 22. Кн. 2. С. 98.

² О внешней политике Советского Союза. Доклад Председателя Совета народных комиссаров и народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова на внеочередной сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г. // Правда. 1939. 1 ноября.

вает, что это положение внесено в статью после сталинской редактуры.

Правя подготовленный к печати текст, Сталин к словам, что так называемые мирные предложения Гитлера, выдвинутые им в речи в Рейхстаге 6 октября, «могут служить базой для переговоров», добавляет — «реальной и практической». В другом месте он берет в кавычки слова «уничтожение гитлеризма». Еще в одном месте текста продолжил мысль о том, что гитлеризм, как и всякая другая идеология, является внутренним делом государств: «Но затевать войну из-за «уничтожения гитлеризма» — значит допустить в политике преступную глупость». Лозунг борьбы против гитлеризма, по Сталину, «маскирует... иные цели, определяемые стремлением правящих кругов Англии и Франции укрепить свое мировое господство»[1]. В. М. Молотов, выходит, лишь повторил сталинскую формулировку о «преступности» войны Запада против нацистской Германии.

В том же ряду заявление Сталина, сделанное в ноябре 1939 г. по поводу разоблачения в мировой печати его классово-имперских замыслов в «новой империалистической войне». Речь идет о реакции Сталина на сообщение французского информационного агентства Гавас, в котором ему приписывались слова о том, что начавшаяся в Европе «война должна продолжаться как можно дольше, чтобы истощить воюющие стороны». В крайнем раздражении, отвергая французское сообщение как «фальшивку», Сталин разразился бранью по адресу стран Запада. Основной пункт его контробвинений был сформулирован недвусмысленно: «не Германия напала на Францию и Англию, а Франция и Англия напали на Германию, взяв на себя ответственность за нынешнюю войну»[2]. Так западные страны, сперва обвинявшиеся в попустительстве агрессии,

1 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1123. Л. 34, 35.
2 О лживом сообщении агентства Гавас // Правда. 1939. 30 января.

затем в провоцировании войны, в конце концов превратились в агрессоров, напавших на Германию[1]. Обвинить Германию, с которой Советский Союз только что принял участие в разделе Польши, Сталин никак не мог, так как пришлось бы взять на себя долю ответственности за развязанный всеобщий континентальный конфликт.

Сказывался императив начавшейся *мировой* войны: или с демократиями Запада, или с нацистской Германией. Предвоенные официальные англо-франко-советские и закулисные советско-германские переговоры показали, что Советскому Союзу, учитывая его роль в системе европейских международных отношений, все же придется определиться со своими предпочтениями. Сталин принял ту сторону, которая, как он полагал, поможет реализации его экспансионистских планов. Пришлось борьбу стран Запада, Англии и Франции за «уничтожение гитлеризма» назвать «преступной глупостью».

Советский Союз с его предельно идеологизированной общественно-политической системой внес не меньшую, чем его капиталистические оппоненты, лепту в двухполюсную модель международных отношений XX века. Идеологическая сущность советской системы, становление которой приходится на годы

---

[1] См. подробнее: *Дорошенко В., Павлова И., Раак Р.* Не миф: речь Сталина 19 августа 1939 года. // Правда Виктора Суворова. М., 2006. С. 205–238. Отечественный автор, оспаривая достоверность текста «выступления Сталина 19 августа 1939 года», в то же время подчеркивает, что его положения, обнажающие советские устремления воспользоваться «новой империалистической войной» для территориальной и революционной экспансии, нашли фактическое подтверждение во Второй мировой войне. Поэтому вряд ли, как полагает автор, публикация сообщения агентства Гавас имела лишь пропагандистское значение. Без учета материалов подобного рода трудно понять политику западных участников войны в таких вопросах, как непризнание ими территориальных захватов СССР 1939–1940 гг., причины «странной войны», проблема «второго фронта» и т. п. — См. *Случ С. З.* Речь Сталина, которой не было. // Отечественная история. 2004. № 1. С. 112–139.

сталинского правления, когда идеология стала инструментом и власти, и политики, не могла не проявиться особенно зримо в сфере международной. Там, где напрямую сталкивались классовые противники. Если отвлечься от идеократической природы советской системы, нельзя понять роль СССР в международных отношениях как их специфического субъекта, по принципиальным соображениям противопоставляющего себя остальным — капиталистическим государствам мира.

Советская внешняя политика проводилась в раз и навсегда идеологически очерченных концептуальных рамках. В плане стратегическом она осуществлялась на уровне идей, составляющих целостное мировоззрение — идей, сцепленных классовым началом. Направленная на борьбу с мировым капитализмом, она не ограничивалась политически мотивированными целями, а включала весь комплекс социалистических принципов, на которых зиждилось советское общество. Коммунистическая идеология, напрямую сопряженная с соответствующим видением мира, являла собой реальный контекст международной политики Советского Союза.

В первые месяцы мировой войны в Кремле царила эйфория по поводу практических выгод от дружбы с Гитлером. Время, когда в Москве прекрасно осознавали последствия советско-германского пакта для экспансионистских планов обоих тоталитарных государств. «Крутой поворот» в отношениях «между двумя самыми крупными государствами Европы», ставший следствием подписания (по советской инициативе) еще одного договора с Германией — на этот раз «о дружбе и границе», признавал В. М. Молотов, «не мог не сказаться на всем международном положении»[1]. Как представляется, имелось в виду, в обозримом бу-

---

[1] О внешней политике Советского Союза. Доклад В. М. Молотова 31 октября 1939 г. // Правда. 1939. 1 ноября.

дущем, нечто еще более перспективное для обеих сторон, чем «разграничение сфер обоюдных интересов в Восточной Европе» (формулировка секретного дополнительного протокола к советско-германскому пакту)[1].

По некоторым высказываниям Сталина можно предположить, что какое-то время он носился с мыслью о более или менее продолжительном сотрудничестве с Германией. После подписания пакта 23 августа 1939 г., прощаясь с И. Риббентропом, Сталин заявил под свое «честное слово», что «Советский Союз никогда не предаст своего партнера»[2]. А после заключения спустя месяц договора о дружбе и границе, обещал, что «если, вопреки ожиданиям, Германия попадет в тяжелое положение, то она может быть уверена, что советский народ придет Германии на помощь и не допустит, чтобы Германию задушили,.. чтобы Германию повергли на землю»[3]. В декабре 1939 г., отвечая на поздравления И. Риббентропа по случаю своего шестидесятилетия, Сталин выражал уверенность, что дружба народов Германии и Советского Союза, «скрепленная кровью, имеет все основания быть длительной и прочной»[4].

Демонстрация желания укрепить советско-германские отношения продолжалась и далее. Сталин, непосредственно занимавшийся германскими делами, во время переговоров в Москве в конце 1939 — нача-

---

[1] Секретный дополнительный протокол (23 августа 1939) // ДВП СССР. Т. 22. Кн. 1. С. 632.

[2] Запись беседы имперского министра иностранных дел со Сталиным и Молотовым 24 августа 1939 г. // СССР — Германия. В 2-х кн. Vilnius, 1989. Кн. 1: 1939. С. 69.

[3] Цитируется по записи переговоров И. В. Сталина и В. М. Молотова с И. Риббентропом в Москве 27 сентября 1939 г., обнаруженной в личном архиве посла Германии в СССР Ф. Шуленбурга, присутствовавшего на переговорах // ДВП СССР. Т. 22. Кн. 2. С. 610.

[4] Министру иностранных дел Германии господину Иоахиму фон Риббентропу. Берлин. // Правда. 1939. 25 декабря.

ле 1940 г. о заключении широкого хозяйственного соглашения, заявил, что «он не думает сделать торговый оборот простым коммерческим оборотом, он думает о помощи» Германии[1]. Эту же мысль высказывал на переговорах В. М. Молотов: «Мы даем Германии некоторое сырье, которое не является у нас излишним, а делаем это за счет урезывания своих нужд обороны и хозяйственного плана»[2]. Заключенное 11 февраля 1940 г. в Москве экономическое соглашение стало самым крупным из подобного рода соглашений между двумя странами[3].

Геополитические выгоды, на которые рассчитывал Сталин, идя на пакт с Гитлером, не ограничились очередным в истории разделом Польши. Используя различные средства — от политико-дипломатических до угрозы применения силы — и саму войну, Советскому Союзу удалось навязать Финляндии передачу ему части своей территории; присоединить к себе три Прибалтийские республики — Эстонию, Латвию, Литву, а также Бессарабию с Северной Буковиной, входившие в состав Румынии. Газета «Правда» в передовой статье, комментируя «добровольное вхождение» в состав СССР летом 1940 г. Литвы, Латвии и Эстонии, писала без стеснения: «Малые буржуазные государства не выдерживают напряжения, созданного второй империалистической войной»[4]. Достаточно откровенное, в каких условиях удалось, по признанию В. М. Молото-

---

[1] Беседа Генерального секретаря ЦК ВКП (б) И. В. Сталина с послом по особым поручениям, главным экономическим экспертом МИД Германии К. Риттером. В ночь с 31 декабря 1939 г. на 1 января 1940 г. Особая папка. // ДВП СССР. Т. 23. Кн. 1. С. 8.

[2] Беседа наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом. 7 января 1940 г. // Там же. С. 24.

[3] Хозяйственное соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Германией (11 февраля 1940 г.). Приложение: Конфиденциальный протокол: Обмен письмами между А. И. Микояном и К. Шнуре 11 февраля. // Там же. Т. 23. Кн. 1. С. 80—84, 84—85.

[4] Великий союз шестнадцати республик. // Правда. 1940. 8 августа.

ва, «значительно расширить нашу территорию и умножить силы Советского Союза»[1]. «Время не теряли», — вспоминал много позже тот же Молотов[2].

Весьма показателен ультиматум, который в июне 1940 г. Советский Союз предъявил «боярской» Румынии. От нее потребовали не только немедленного «возвращения» Бессарабии (как отторгнутой от России), но и о «передаче» части Буковины (никогда не принадлежавшей России). Эти требования оправдывались тем, что такова «создавшаяся международная обстановка», которая «требует быстрейшего разрешения полученных в наследство от прошлого нерешенных вопросов для того, чтобы заложить, наконец, основы прочного мира между странами...»[3]. «Прочного мира», навязанного силой!

Так Вторая мировая война еще раз предстала перед многими европейцами, да и не только перед европейцами, как попытка тоталитарных режимов Германии и СССР, руководимых амбициозными диктаторами, перекроить политическую карту мира, начиная с Европы. О том, чтобы наметить рубеж, пределы совместной экспансии, не было и речи. Наоборот, провозглашались далеко идущие намерения.

Вскоре после советского ультиматума Румынии газета «Правда» в публикации «Германские газеты о планах нового политического и экономического порядка в Европе» цитировала официальный бюллетень

---

[1] Внешняя политика Советского Союза. Доклад Председателя Совета народных комиссаров и народного комиссара иностранных дел тов. В. М. Молотова на заседании Верховного Совета СССР 1 августа 1940 г. // Правда. 1940. 2 августа.

[2] *Чуев Ф. И.* Молотов... С. 366.

[3] Телеграмма наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова полномочному представителю СССР в Королевстве Румыния А. И. Лаврентьеву. 27 июня 1940 г. // ДВП СССР. Т. 23. Кн. 1. С. 385—386. Первоначально Советский Союз претендовал на всю Буковину, но ему пришлось учесть «соображения германского правительства». // Там же. С. 376 (сноска).

«Динст аус Дейчланд»: «Господствующим центром новой Европы будет ось Берлин — Рим. По отношению к России будет проведено четкое разграничение сфер влияния»[1]. Читалось как обещание еще одного размежевания «сфер обоюдных интересов», на сей раз более пространного, чем это предусматривалось секретным протоколом к советско-германскому пакту 1939 г. Хотя в это же самое время по распоряжению Гитлера германский генштаб приступил к разработке плана нападения на СССР.

Не ясно было также, согласится ли Сталин на еще одно «размежевание» на немецких условиях. Итоги визита В. М. Молотова в Берлин в ноябре того же года показали, что нет, не согласится[2]. У сталинского руководства были свои планы в мировой войне. Партнеры по агрессии не сошлись в главном — вопросе о контроле над Европой. Что стало бы и для нацистской Германии, и для коммунистического Советского Союза решающим этапом к мировому лидерству. Советско-германская война стала неизбежной тогда, когда Сталин отказался от требования Гитлера уйти из Европы и ограничиться экспансией в южном направлении — в сторону Индийского океана. Согласиться, умерив свои амбиции, на присоединение к Тройственному пакту Германии, Италии и Японии в качестве младшего партнера.

Но пока что, в первый год мировой войны, будущее обитателям Кремля виделось в ярко-розовом тоне.

На сессии Верховного Совета СССР, прошедшей в конце лета 1940 г., В. М. Молотов под «бурные аплодисменты» депутатов подвел итоги до сих пор удачной экспансионистской политики. Подыгрывая националистическим и имперским чувствам, сделал упор на значительное территориальное расширение Советско-

---

[1] Правда. 1940. 15 июля.

[2] См.: Из Архива Президента РФ. Поездка В. М. Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. // Новая и новейшая история. 1993. № 5. С. 64—99.

го Союза. Вернули, говорилось, то, что «было силой отторгнуто от СССР в момент его военной слабости империалистическими державами Запада»[1]. Выступивший вслед за этим руководитель столичной партийной организации А. С. Щербаков поддержал докладчика: «Капиталистическому миру пришлось еще раз потесниться и отступить, а Советский Союз еще далее продвинул свои границы». По его предложению решено было прений по докладу «не открывать», а внешнюю политику правительства «одобрить»[2].

Несостоявшиеся прения на сессии Верховного Совета СССР официозная пресса подменила шумной пропагандистской кампанией, призванной продемонстрировать единодушную поддержку внешней политики простыми гражданами. На страницах «Правды» писательница В. Василевская выступила со статьей «Родина растет». Ее стоит процитировать:

« — Кто хочет взять слово по докладу товарища Молотова? Но что еще можно сказать? Все происходит так, как это страстно желалось. Только еще радостнее, и еще великолепнее. Можно только встать и аплодировать, и кричать — и радоваться глубочайшей радостью, и выпрямляться от гордости. И утвердить. Стократно с гордостью и счастьем — утвердить...

Не среди грома оружия, не в зареве пожаров движется вперед моя родина. В ореоле славы, в величии мощи, в счастье мира и братства расширяет она свои пределы...

Как это великолепно, как дивно прекрасно, что когда весь мир сотрясается в своих основах, когда гибнут могущества и падают величия, — она растет, крепнет, шагает вперед, сияет всему миру зарей надежды. Она одна! Наша родина — родина трудящихся всего мира»[3].

---

[1] Внешняя политика Советского Союза. Доклад В. М. Молотова 1 августа 1940 г. // Правда. 1940. 2 августа.

[2] Там же.

[3] Там же.

Наглядный пример манипуляции общественным сознанием при тоталитарном режиме. Столь демонстративное пренебрежение мнением своего народа восходило корнями к временам принудительной высылки на «философском пароходе» лучших представителей российской гуманитарной интеллигенции. Идеологическая вертикаль, неизбежная при одной общеобязательной идеологии, окончательно установилась с возвышением Сталина как непререкаемого теоретика партии. Нововведения, к какой бы области жизни они ни относились, чаще всего вызывали отторжение у правящей номенклатурной элиты. Если в нацистской Германии заслужившие признание представители науки и искусства спасались бегством за границу, то в Советском Союзе, лишенные возможности эмигрировать, они затаивались, а неосторожные и смелые подвергались репрессиям. Естественное в творческой среде независимое мышление, тем более в области общественно-политической, преследовалось вплоть до ареста. Это верно и в отношении рядовых граждан, принуждаемых следовать по одному и тому же идеологическому маршруту. Во времена Большого террора «шаг право, шаг влево» вело к обвинению «враг народа».

Курс на самоизоляцию страны, диктовавшийся интересами консервирования условий общественной жизни в СССР, распространялся далеко за пределы информационной области. До минимума были сведены политические, культурные и прочие контакты на международном уровне. Возрастали закрытость и секретность, которые всегда были важнейшими атрибутами советской системы. Лишенные питательной почвы мировой общественно-политической мысли, советские руководители были обречены на узость политической культуры[1].

---

[1] See Tucker R. C. Political Culture and Leadership in Soviet Russia From Lenin to Gorbachev. New York — London, 1987.

На очередном витке войны, с нападением Германии на СССР 22 июня 1941 г., мировая война, сохраняя антитоталитарную направленность, приобрела дополнительное свойство. Два тоталитарных государства, гитлеровская Германия и сталинский Советский Союз, по причине непримиримости их глобальных амбиций, вступили в смертельную схватку. Как и предыдущая, новая мировая война была прежде всего битвой сухопутных армий, и протяженный восточноевропейский советско-германский фронт стал основным театром военных действий.

Так, несколько неожиданным образом Советский Союз оказался на одной стороне с ненавистными Сталину правящими кругами Англии, уже почти два года воевавшей с Германией. С вступлением в войну в конце того же года США сформировалась Советско-западная коалиция, воссоздающая Антанту времен Первой мировой войны. Новоявленные союзники пришли в коалицию не сразу и разными путями, а объединила их, по собственным публичным заявлениям, одно — война против «общего врага». Во всяком случае, именно с такой констатации начиналась коалиция СССР и стран Запада.

Напомним об официальной советской реакции на гитлеровское нападение. О выступлении по радио 22 июня 1941 г. В. М. Молотова, в свое время подписавшего пакт о ненападении между СССР и Германией и не раз в этой связи превозносившего мудрость «сталинской внешней политики». Какое же объяснение было дано в выступлении столь кардинально изменившейся ситуации — переходу от дружбы к вражде?

Выступление В. М. Молотова, второго лица государства и правой руки Сталина во внешнеполитических делах, выдавало растерянность в Кремле[1]. Молотов, в составлении речи которого принимали участие

---

[1] В составлении текста выступления Молотова приняли участие все члены Политбюро // *Чуев Ф. И.* Молотов... С. 59.

другие члены Политбюро, не нашел ничего лучшего, чем сделать упор на «вероломство» партнера по пакту. Противопоставив этому политику советского правительства, которое, подчеркивалось, выполняло условия пакта «со всей добросовестностью»[1]. Уже несколько месяцев весь мир жил в предчувствии случившегося, а сталинское руководство публично заявило, что оно не только не ожидало нацистского нападения, но и не видело причин для начавшегося конфликта! Лишь нажаловавшись вдоволь на вероломство бывшего партнера, Молотов вспомнил о кровожадности фашистских правителей Германии, «поработивших французов, чехов, поляков, сербов, Норвегию, Бельгию, Данию, Голландию, Грецию и другие народы». Вот в таком виде, без упоминания продолжающейся войны Англии против держав Оси (Германии и Италии), невнятно прозвучал мотив антифашистской войны. Призыв подняться на «отечественную войну за Родину, за честь, за свободу» обошелся без его увязывания с общедемократическими идеалами и целями[2].

То, что в своем выступлении В. М. Молотов даже не упомянул о войне между странами демократического Запада и нацистской Германией, вполне понятно. Ведь вплоть до дня гитлеровского нападения Советский Союз считался невоюющим союзником Германии, которая черпала материальные ресурсы из СССР, подрывая английскую блокаду[3]. Как писал

[1] По одной из версий, В. М. Молотов, получив от германского посла Ф. Шуленбурга ноту об объявлении войны, обиженно спросил: «Чем мы это заслужили?». Похоже на правду, учитывая слова Молотова из его речи по радио в тот же день, что советское правительство выполняло условия пакта с Германией «со всей добросовестностью» и его же обвинения партнера по пакту в вероломстве.

[2] Выступление по радио заместителя председателя Совета народных комиссаров и народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова. 22 июня 1941 г. // ДВП СССР. Т. 24. С. 88-9.

[3] Кстати, заатлантические Соединенные Штаты тоже считались «невоюющим союзником», но Англии.

У. Черчилль 24 июня 1940 г. И. В. Сталину, «Германия стала Вашим другом почти в тот же момент, когда она стала нашим врагом». Заканчивалось письмо напоминанием о тактике Германии, пытающейся «осуществлять в Европе последовательными этапами методический процесс завоевания и поглощения»[1]. Однако это и последующие предупреждения рассматривались в Кремле как стремление английских консерваторов столкнуть Советский Союз с Германией. «Без видимых на то оснований», как, видимо, все еще продолжал, с марта 1939 г., считать Сталин[2].

Соединение военных усилий СССР с усилиями Англии и, несколько позже, с США носило вынужденный характер. Преследуя при этом собственные цели, правители в Кремле рассматривали войну с фашизмом под углом укрепления позиций социализма за счет государств «враждебного капиталистического окружения». В разгар войны, в 1943 г., при обсуждении на Политбюро сценария киноповести А. П. Довженко «Украина в огне» Сталин обвинил кинорежиссера в «непонимании» того, что идущая война «есть также война классовая»[3]. Союзников, различавшихся резким несходством государственного устройства, социальных и экономических структур, поневоле объединила общая военно-политическая задача — покончить с все более разрастающейся агрессией нацистской Германии. Противника сильного, успевшего к тому времени закабалить большую часть Европы и мечтавшего об установлении тысячелетнего мирового господства германской расы.

---

[1] Беседа Генерального секретаря ЦК ВКП (б) И. В. Сталина с послом Великобритании в СССР Р. С. Криппсом в Кремле. 1 июля 1940 г. Сов. секретно. // ДВП СССР. Т. 23. Кн. 1. С. 399–400 (Приложение).

[2] Отчетный доклад т. Сталина на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП (б) // XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б) 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 13.

[3] *Марьямов Г. Б.* Кремлевский цензор. Сталин смотрит кино. М., 1992. С. 54.

Но быстрый отклик Англии и США на 22 июня 1941 г. с предложением немедленной и всесторонней помощи Советскому Союзу имеет и другие объяснения. Лидеры Запада предвидели такой поворот в мировой войне, верно оценив несовместимость беспредельных целей нацизма и сталинизма. В то же время правящие круги западных стран считали нацизм, в отличие от коммунизма, угрозой ближайшей, непосредственной. Сталинский Советский Союз, несмотря на Большой террор и военную экспансию 1939–1940 гг. против малых сопредельных с запада стран — от Финляндии до Румынии, представлялся им меньшим из зол. А памятуя вклад России в Первую мировую войну (до прихода к власти большевиков в октябре 1917 г.), более чем полезным военным союзником. Во всем остальном участники Советско-западной коалиции были так же далеки друг от друга, как и до начала мировой войны.

Официальные западные заявления о поддержке Советского Союза говорят сами за себя.

Выступая вечером 22 июня 1941 г. по радио, премьер-министр Великобритании У. Черчилль был откровенен: «Никто не был в течение последних 25 лет более упорным противником коммунизма, чем я. И я не возьму назад ни одного из сказанных мною слов, но сейчас все это отступает на второй план перед лицом разворачивающихся событий. Опасность, угрожающая России, — это опасность, угрожающая нам и Соединенным Штатам, точно так же, как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и свой дом, — это дело свободных людей и свободных народов во всех частях земного шара»[1].

Заявление Государственного департамента США, выпущенное на следующий день, как и в речи У. Черчилля, начиналось с осуждения «принципов и доктрин

---

[1] *Churchill W. C.* The Second World War. Vol. 1–6. L., 1949–1954. Vol. 3. P. 332–333.

коммунистической диктатуры», которые объявлялись столь же чуждыми и нетерпимыми, «как и принципы и доктрины нацистской диктатуры». «Однако, — подчеркивалось в заявлении, — перед американским народом стоит непосредственный вопрос: можно ли успешно противостоять и расстроить план завоевания мира, безжалостного и грубого порабощения всех народов и конечного уничтожения остающихся свободных демократий, план, который теперь Гитлер отчаянно пытается осуществить... Поэтому, по мнению нашего правительства, всякая защита от гитлеризма, всякое объединение противостоящих гитлеризму сил, каково бы ни было их происхождение, приблизят конечное свержение нынешних германских лидеров и тем самым будут служить на пользу нашей собственной обороне и безопасности». Заявление заканчивалась фразой, собственноручно вписанной президентом Ф. Рузвельтом: «Гитлеровские армии представляют сегодня главную опасность для Америки»[1].

«Союзники поневоле» (на эту тему существует большая литература), естественно, не доверяли друг другу. Для советских руководителей демократический Запад, несмотря ни на что, оставался все тем же «империалистическим». В. М. Молотов, подчеркивая, что он «не сомневался» в том, что западные союзники не выполнят обещания открыть «второй фронт», добавляет: «А тем более Сталин никакого доверия к ним не имел»[2]. В «Беседах со Сталиным» М. Джилас приводит откровения Сталина о его взаимоотношениях с западными союзниками, высказанные за ужином в ночь накануне высадки союзников в Нормандии (Франция) летом 1944 г.:

«— А вы, может быть, думаете, что мы, если мы союзники англичан, забыли, кто они и кто Черчилль?

---

[1] Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (FRUS). 1941. Vol. 1. Washington. 1963. P. 767–768.

[2] Чуев Ф. М. Молотов... С. 82.

у них нет большей радости, чем нагадить своим союзникам, — в Первой мировой войне они постоянно подводили и русских, и французов. А Черчилль? Черчилль, он такой, что, если не побережешься, он у тебя копейку из кармана утянет. Да, копейку из кармана! Ей-богу, копейку из кармана! А Рузвельт? Рузвельт не такой — он засовывает руку только за кусками покрупнее. А Черчилль? Черчилль — и за копейкой»[1].

Для советских руководителей Вторая мировая война так и не стала войной, в равной мере затрагивавшей всех участников коалиции. Отсюда рано проявившееся стремление вычленить из контекста мировой войны 1939—1945 гг. ее восточный, советско-германский фронт, с приданием войне со стороны СССР особого статуса — Великой Отечественной войны советского народа 1941—1945 гг. Отсюда и обвинение бывших западных союзников в годы холодной войны в том, что они пытались руками гитлеровцев — «ударным кулаком империализма» — расправиться со страной социализма. Отсюда и наше определение Советско-западной коалиции как антигитлеровской, а не антифашистской, что следовало бы из характеристики мировой войны как освободительной. Все это делалось, чтобы, с одной стороны, ограничить цели участия СССР в коалиции с Западом войной против гитлеровской Германией, а с другой — избежать противопоставления западных демократических стран и нацистской Германии как социально-политических антиподов. Просто капиталисты разных стран не поделили мир между собой, а нам, Советскому Союзу, пришлось вмешаться, чтобы потеснить и тех и других. Усилиями коммунистических правителей, начиная со Сталина, удалось навязать угодное им одностороннее, ограниченное восприятие народами СССР Второй мировой войны.

---

[1] *Джилас М.* Беседы со Сталиным // *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 58.

Заявления западных лидеров в поддержку СССР, озвученные сразу после 22 июня 1941 г., с их подчеркнутыми оговорками о неприятии ими идеологии как нацизма, так и коммунизма, не могли не вызвать в Кремле замешательства. Об этом можно судить по записи беседы В. М. Молотова, возглавлявшего по совместительству НКИД СССР, с английским послом С. Криппсом. Принимая через несколько дней посла, советский нарком старался заручиться поддержкой стран Запада, прибегая к аргументу, странному на фоне последующей официальной оценки характера войны с нацистской Германией. «Базой взаимной помощи» назвал Молотов «наличие общего врага». В ходе беседы он неоднократно оперировал словами: «обе страны имеют одного и того же врага», «обе стороны имеют одного врага». Соглашаясь с Молотовым, посол в то же время говорил, что «общий враг является недостаточной базой для сотрудничества политического»[1]. Документ любопытен тем, что западным демократиям, за неимением лучшего, предлагалось руководствоваться принципом «враг моего врага — мой друг». Могли ли отношения, определяемые таким принципом, стать прочными и долговременными?

Термин «общий враг» пришел на смену определениям того времени, когда будущие союзники оперировали различными понятиями, говоря о своем отношении к мировой войне. Того времени, когда Англия воевала за «уничтожение гитлеризма», а Сталин считал такую войну «преступной глупостью». Неудивительно, что первоначальные соглашения между участниками создаваемой Советско-западной коалиции были достаточны скупы на определение их общих целей. Так, советско-английское соглашение от 12 июля

---

[1] Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова с послом Великобритании С. Криппсом. 27 июня 1941 г. // ДВП СССР. Т. 24. С. 46–50.

1941 г. называлось соглашением «О совместных действиях в войне против Германии»[1], а соответствующее соглашение между правительствами СССР и США от 11 июня 1942 г. констатировало, что «они заняты общим делом»[2]. Тем не менее формула «общий враг», при всей ее ограниченности, означала готовность новых союзников помогать друг другу, что имело ключевое значение, руша надежды Гитлера на разлад между противниками Германии. Сталинский Советский Союз, далеко не сразу оказавшийся на стороне демократических стран, разделял, так или иначе, общую военную задачу коалиции со странами Запада, преследуя в то же время свои, антикапиталистические задачи. В этих условиях провозглашение целей новообразованной коалиции с прицелом на послевоенное переустройство приобрела особую актуальность.

Демократический Запад, не питая иллюзий насчет долгосрочных советских планов, тем не менее проявил гораздо бóльшую заинтересованность в сближении с СССР, чем наоборот. Известно, что инициатива советско-западных переговоров с целью остановить Гитлера, которые шли весной — летом 1939 г., исходила от западных стран. Даже после неожиданного заключения советско-германского пакта западные лидеры или заявляли, что, несмотря ни на что, Советский Союз связан общностью интересов с их странами (У. Черчилль в Англии), или выражали серьезные сомнения в долговечности союза между нацистской и советской тоталитарными системами (Ф. Рузвельт и К. Хэлл в США). Но из-за пакта с Германией сотрудничество с Западом было не только отсрочено почти на два года, но всю мировую войну отягощалось грузом фактического противостояния Советского Союза с Англией и Францией в самое тяжелое для этих стран время.

---

[1] Дипломатический словарь. Т. 3. М., 1986. С. 96.

[2] Там же. С. 67–68.

Различия в ценностных ориентациях стран Советско-западной коалиции сказались на формулировании ими целей войны. Страны Запада сделали это в Атлантической хартии, подписанной от имени правительств США и Великобритании Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем и датированной 14 августа 1941 г. Кстати, опубликование хартии, требовавшей «окончательного уничтожения нацистской тирании», означало фактическое объявление войны Германии со стороны США, давно ставшими «невоюющим союзником» Англии.

Хартия декларировала отказ от территориальных приобретений и непризнание насильственного захвата чужих территорий, уважения прав народов на самоопределение, равенство в торговле и доступе к мировым сырьевым источникам (с оговоркой о соблюдении существующих англо-американских обязательств), построение послевоенного мира на основе отказа от применения силы, экономического сотрудничества, всеобщей безопасности, свободы морей и разоружения[1].

Современники высоко оценивали провозглашенные хартией принципы как отвечающие духу времени. Посол СССР в США в 1933–1938 гг. А. А. Трояновский писал, что в хартии «даны основные вехи демократического мира, к которому стремятся все народы, объединяющиеся против средневекового варварства, насаждаемого Гитлером и его подручными»[2]. Известный либеральный деятель, член Верховного суда США Ф. Франкфуртер поздравил Ф. Рузвельта с принятием документа, который «придал смысл конфликту между цивилизацией и надменным, грубым вызовом...»[3].

---

[1] Англо-Американская декларация (Атлантическая хартия). // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. В 3 т. Т. 1. М., 1944. С. 147–148.

[2] *Трояновский А. А.* Почему США воюют против гитлеровской Германии. М., 1942. С. 85.

[3] Roosevelt and Frankfurter. Their Correspondence, 1928–1945. Boston, Toronto, 1967. P. 612–613.

Если в период советско-германского партнерства сталинское руководство высмеивало лозунг «уничтожение гитлеризма», под которым Англия и Франция вступили в мировую войну, то теперь пришлось объявить о своем согласии с Атлантической хартией с ее положением об «окончательном уничтожении нацистской тирании». А по окончании войны с ее неисчислимыми жертвами Советский Союз участвовал в Нюрнбергском судебном процессе над нацизмом.

Присоединяясь к хартии, советское правительство согласие с ее «основными принципами» поставило в связь с необходимостью, как оно считало, «сообразоваться с обстоятельствами, нуждами и историческими особенностями той или иной страны...» Оговорив таким образом за собой возможность отстаивать прежде всего свои цели в войне, несмотря на заверение, что «последовательное осуществление» принципов хартии «обеспечит им самую энергичную поддержку со стороны Советского правительства и народов Советского Союза» [1]. Советские люди внесли самый большой вклад в победу над фашизмом, но воспользоваться в полной мере плодами победы им было не суждено.

Почему же сталинское руководство в своих заявлениях о целях войны не решилось выдвинуть от имени Советско-западной коалиции, в противовес расистской идеологии и практике немецкого нацизма, идеологию и практику советского коммуно-социализма? Не решилось отстаивать коммунистическую идею как альтернативу фашизму? Ответ очевиден. Не решилось хотя бы потому, что лидеры Запада, высказываясь в поддержку борьбы Советского Союза против нашествия нацистов, одновременно подчеркнули свое решительное неприятие коммунизма. Вот где корни

---

[1] Декларация правительства СССР на Межсоюзной конференции в Лондоне // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. С. 147.

противоречий внутри советско-западной коалиции и причины холодной войны.

Все же странам — участницам Советско-западной коалиции удалось на время войны как-то согласовать свои интересы с интересами всеобщими, общечеловеческими, следствием чего явилась победа над фашизмом. Тем самым опыт этой коалиции доказал возможность решить, пусть временно и не до конца, извечную проблему соотношения национального и интернационального — проблему рационального, разумного их сочетания, особенно важного в сфере международной политики. В столкновении двух тенденций — национализма и интернационализма многие исследователи усматривают осевую линию мирового развития. Попытка после Первой мировой войны выйти на решение этой проблемы через Лигу наций не удалась, о чем говорила неспособность этой международной организации предотвратить новую мировую войну. Свою политику великие державы строили, как и прежде, на национально-государственном эгоизме. Национализм во внешней политике питал (и все еще питает) межгосударственные противоречия. Приоритет, отданный интересам национальным над интернациональными, объясняет упор на силу как на главное средство отстаивания таких интересов. Сила оставалась доминирующим фактором международных отношений в многополярном мире, в котором СССР был одним из центров военной мощи. Со своей специфичной стратегией, с собственным, отличным от других держав, пониманием своей роли в системе межгосударственных отношений. Частью последовательно проводимой им в жизнь классово-имперской стратегии было разрушить Версальско-Вашингтонскую геополитическую структуру мира, используя агрессию нацистской Германии. Однако заготовленный сценарий «помощи» ослабевшим вконец Англии и Франции с вступлением советских войск в Париж не удался. Правда, удалось, заручившись просьбой союзников о помощи, включиться

на завершающем этапе войны против Японии, расшириться территориально и укрепиться на Дальнем Востоке. Но основательное, на коммунистический манер, переустройство мира не состоялось. Запад не только устоял перед напором тоталитарных стран, но даже помог одному их них — Советскому Союзу в войне с германским нацизмом.

О значении помощи со стороны США и Англии «в обнаженной форме» высказывается в своих воспоминаниях Н. С. Хрущев. В «вольных беседах» между наиболее приближенными к нему членами Политбюро ЦК Сталин «прямо говорил, что если бы США нам не помогли, то мы бы эту войну не выиграли: один на один с гитлеровской Германией мы не выдержали бы ее натиска и проиграли войну». Хрущев, соглашаясь с мнением Сталина, услышанным им «несколько раз», поставил целью в своих широко известных воспоминаниях «аргументировать со своей стороны то, что говорил Сталин, и то, что я сам тогда видел и понимаю»[1]. Хотя по окончании войны официальная пропаганда утверждала обратное, Советский Союз нуждался в помощи западных стран не меньше, чем они в советской.

Взаимная помощь государств Советско-западной коалиции отвечала чаяниям широких народных масс, чье активное участие превратило войну коалиции в освободительную миссию. Однако проявленная во Второй мировой войне антифашистская солидарность масс была подготовлена не столько политикой и деятельностью властвующих элит государств коалиции, сколько активностью наиболее продвинутой, образованной части человечества — интеллигенции, олицетворявшей собой самое передовое, благородное, гуманное. Рост интеллектуализма стимулировал тягу к углубленному миропониманию, включая проблемы

---

[1] *Хрущев Н. С.* Воспоминания: Избранные фрагменты. М., 1997. С. 168–169.

всеобщие, интернациональные. Неуклонное возвышение в общественной структуре многих стран роли науки и ее носителя — интеллигенции, ставшей наиболее динамичной частью современного общества, стало важнейшим фактором распространения в XX веке идей общности интересов человечества.

В борьбе против фашизма и милитаризма ускорилась смена приоритетов общественных ценностей, еще недавно слишком близко связываемых марксистами с рабочим классом. В противостоянии сил тоталитаризма и демократии дискредитировали себя как международное коммунистическое движение, представленное III Интернационалом, так и европейская социал-демократия, не сумевшие стать действенной преградой на пути сил агрессии и фашизма. Что доказало преходящий характер исторического потенциала пролетариата — такого, каким его представляли классики марксизма-ленинизма. А социалистический опыт нацистской Германии и сталинского Советского Союза, прозорливо сведенный воедино в их тоталитарной сущности В. С. Гроссманом в эпохальном романе «Жизнь и судьба», показал всю опасность следования идеям, отталкивающимся от классового или расового антагонизма. Каковы идеи, таковы и последствия.

Фактом истории является то, что именно интеллигенция — «разумная, образованная, умственно развитая часть жителей» (В. Даль), а не какая-либо иная социальная структура, была и остается главным противником тоталитаризма в любом его проявлении, будь то немецкий национал-социализм или социализм советского типа.

На стадии обсуждения рукописи моей монографии об антивоенно-антифашистском движении 1930-х годов в США[1] со стороны одного из рецензентов выска-

---

[1] См. *Наджафов Д. Г.* Народ США — против войны и фашизма. 1933–1939. М., 1969.

зывалось недоумение тем, что движение против наступления мирового фашизма направлялось не американским рабочим классом, а интеллигенцией; что инициаторами массового движения были представители интеллигентских слоев, а не рабочие профсоюзы. Но такова была американская реальность, с ней приходилось считаться и нью-йоркской коммунистической газеты Daily Worker, из которой я черпал многие факты. Если говорить о внутренних причинах крушения советского тоталитаризма, то не в последнюю очередь следует иметь в виду возрождение интеллигенции с ее созидательным потенциалом. И хотя коммунистические власти всегда с подозрением относились к интеллигенции, видя в ней скрытого врага, после смерти Сталина второго издания Большого террора не получилось.

Антифашизм интеллигенции означал колоссальное расширение практики применения морально-этического принципа к общественным явлениям. Справедливо отмечая минусы идеологизации международных отношений в XX веке и столь же справедливо увязывая это с великодержавной политикой, в то же время нельзя не отметить и определенный позитивный момент в акценте на идеологию как фактора межгосударственных отношений. Момент, привнесенный в эти отношения интеллигенцией благодаря ее настойчивости в отстаивании необходимости выбора между добром и злом, решения мировых проблем с позиций нравственности и справедливости. Недаром в середине XIX века основоположники марксизма отмечали усиливающееся стремление к тому, чтобы «простые законы нравственности и справедливости», которыми руководствуются в своих взаимоотношениях порядочные люди, стали высшими законами и в отношениях между народами[1].

---

[1] Манифест Коммунистической партии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 16. С. 11.

Другое важное обстоятельство, связанное с ролью интеллигенции в новейшей истории, — это дальнейшее развитие процесса *интернационализации* (сейчас оперируют больше понятием глобализации). То есть умножения и выдвижения на первый план актуализации общих для разных стран и народов проблем и целей, диктующих координацию их усилий в мировом масштабе. Публичные осуждения фашизма и его агрессии в предвоенные годы сыграли свою роль в формировании мирового антифашистского общественного мнения, подготавливая этим морально-политическую базу борьбы против тоталитаризма.

Но не успела закончиться война, как между союзниками началась откровенная борьба за то, чтобы решить вопросы послевоенного мирного урегулирования в свою пользу[1]. Уже во время войны, говорилось в декларации по вопросу о международном положении первого совещания Коминформа в 1947 г., *в определении как целей войны, так и задач послевоенного устройства* между союзниками существовали различия, которые стали «углубляться» в послевоенный период[2]. Суть многочисленных оценок советско-западных отношений периода мировой войны, которые давались Сталиным и его преемниками в Кремле, сводилась к тому, что во время войны Советский Союз проводил ту же внешнюю политику, что и до войны. Что соответствует действительности: советская внешняя политика была и оставалась антикапиталистической.

---

[1] См. Переписка Сталина с Молотовым и другими членами Политбюро по внешнеполитическим вопросам в сентябре — декабре 1945 г. // Источник. 1999. № 2.

[2] Декларация Совещания представителей компартий Югославии, Болгарской рабочей партии (коммунистов), Компартии Румынии, Венгерской коммунистической партии, Польской рабочей партии, Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), Компартии Франции, Компартии Чехословакии и Компартии Италии по вопросу о международном положении // Совещания Коминформа. 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998. С. 242.

Как стороне, побеждавшей врага на главном фронте мировой войны, СССР удалось навязать западным союзникам раздел Европы по соглашениям в Ялте и Потсдаме. Кейстут Закорецкий в книге «Третья мировая война Сталина» приходит к выводу, что уже в период ялтинских переговоров и даже ранее Сталин отрабатывал планы подготовки новой мировой войны[1]. В. М. Молотов по-своему объясняет раскол в послевоенной Европе: западные союзники-«империалисты» рассчитывали в конечном счете на ослабление Советского Союза в результате войны. Но: «Тут-то они просчитались. Вот тут-то они не были марксистами, а мы ими были. Когда от них пол-Европы отошло, они очнулись. Вот тут Черчилль оказался, конечно, в очень глупом положении»[2].

Остановимся на положении книги Г. Х. Попова, вынесенном в эпиграф. На положении о том, что война против Германии, выйдя за пределы СССР, стала «первой битвой Сталина с бывшими союзниками, а вовсе не завершением войны». Чем же была в таком случае Вторая мировая война, если к ее концу — как это ни покажется немыслимым — союзники считались с возможностью продолжения войны, но на этот раз уже между самими победителями? Но каким образом могла возникнуть такая война, по чьей инициативе?

Обратимся к имеющимся документальным свидетельствам.

Прежде всего остановимся на сенсационном заявлении, сделанном летом 1983 г. на сессии Верховного Совета СССР А. А. Громыко, в то время членом Политбюро ЦК КПСС, первым заместителем главы правительства и долголетним министром иностранных дел. В его докладе о международном положении впервые с советской стороны было публично заявлено о том, что сразу по окончании мировой войны не ис-

---

[1] *Закорецкий К.* Третья мировая война Сталина. М. 2009. С. 489.
[2] *Чуев Ф. И.* Молотов... С. 82.

ключалась новая война, на этот раз между победоносными союзниками — между СССР и западными странами.

Речь А. А. Громыко была выдержана в резко антиамериканском тоне — холодная война переживала очередной пик напряженности. Его гнев вызвали высказывания неназванных американских деятелей о том, что США, обладая с конца войны атомной монополией, тем не менее не стали диктовать свою волю Советскому Союзу. В ответ Громыко призвал взглянуть на события того времени, как он выразился, «с другого угла». Он рекомендовал американцам подумать вот над чем: «А что мог сделать Советский Союз, когда фашистская Германия уже была повержена, и до каких рубежей мог дойти могучий вал советских армий, только что перемоловших гитлеровскую военную машину, если бы СССР не был верен своим союзническим обязательствам?»[1]. Поразительно! Получается, что после разгрома нацизма Советский Союз «мог» (?) повернуть «могучий вал советских армий» против своих же союзников, продолжив, сметая все на своем пути, движение в западном направлении, к Ла-Маншу и Атлантике.

Отметим, что из ряда вон выходящее заявление А. А. Громыко — свидетельство непосредственного участника событий периода мировой войны. Посла в США в 1943—1946 гг., члена делегации СССР на конференциях в верхах, человека, пользовавшегося доверием Сталина и Молотова (о чем Громыко не без гордости писал в воспоминаниях, опубликованных в 1988 г.).

Есть, конечно, и другие удивительные свидетельства.

Когда В. М. Молотова, второго человека в советском руководстве после Сталина, спросили, верна ли версия, «по которой Жуков предлагал не останавли-

---

[1] Доклад первого заместителя Председателя Совета Министров СССР, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко на 8-й сессии Верховного Совета СССР 10-го созыва 16 июня 1983 г. // Правда. 1983. 17 июня.

ваться на Берлине, а двинуть дальше, взять Париж», ограничился словами, что «такого он не помнит»[1]. Не возмутился, не оскорбился, а счел вопрос обыденным, даже естественным. В другом случае, говоря об отношениях между союзниками в конце войны, Молотов подтверждает опасения западных союзников: «Боялись, что мы пойдем дальше...»[2]. Недаром, по его же воспоминаниям, Молотов ставил в один ряд и западных союзников, и общего с ними врага — нацистов.

Воинственные антизападные настроения вряд ли были распространены в советских войсках, только что овладевших немецкой столицей, но они были. По внутренней партийной информации, которую в октябре 1947 г. работники Агитпропа ЦК сообщили секретарю ЦК ВКП (б) М. А. Суслову, вопросы войны и мира находились в центре внимания советских людей. В информации из Челябинской области о «политических настроениях» населения сообщалось об ожиданиях скорой войны — «через 3–5 лет, а может, и раньше». В г. Миассе среди демобилизованных солдат и офицеров бытовало мнение, что в скором времени предстоит война с Америкой, которую поддержит Англия. Некоторые из ветеранов войны говорили: «Плохо сделали, что после взятия Берлина не разгромили «союзников». Надо было спустить их в Ла-Манш. И сейчас Америка не бряцала бы оружием»[3].

Не означает ли все это, что мировая война отнюдь не устранила все причины, ее породившие? Мировая война, по смыслу давней статьи Д. М. Проэктора в БСЭ (процитированная выше), была вызвана как так называемыми межимпериалистическими противоречиями, так и противоречиями между двумя системами. Противоречия первого рода, внутри капиталисти-

---

[1] Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 65.

[2] Там же. С. 77.

[3] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 518. Л. 1–3.

ческого мира, так или иначе, были сняты в результате победы над Германией и ее союзниками. Противоречия же между социализмом (СССР) и капитализмом (страны Запада), сглаженные союзническими отношениями, не только не были устранены, а вышли по окончании мировой войны на первый план.

Дело в том, что сталинское руководство подходило к мировой войне не с общедемократических, а с классовых позиций. Н. С. Хрущев, с 1935 г. возглавлявший Украину и с 1938 г. вошедший в сталинское Политбюро (вначале кандидатом в его члены), вспоминает то время как время подготовки к неизбежной «большой войне» СССР с его врагами[1]. Из его повторных упоминаний темы «большой войны» с врагами социализма становится ясно, что имелась в виду мировая война с активным участием Советского Союза[2]. Новой войны между союзниками удалось избежать, но на смену пришло ее политико-дипломатическое продолжение — холодная война.

Сошлемся на еще одно свидетельство о советских намерениях во Второй мировой войне, почерпнутое из материалов бывшего партийного архива КПСС. Имеются в виду два документа из архивного фонда А. А. Жданова, входившего в ближайшее сталинское окружение.

Один из них — стенограмма выступления А. А. Жданова на партийной конференции в Ленинграде 3 марта 1939 г., ровно за неделю до XVIII съезда ВКП (б), на котором Сталин заявил, что для конфликта СССР с Германией нет «видимых на то оснований», в то же время обвинив западные страны в провоцировании войны[3].

---

[1] Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории. 1990. № 7. С. 75.

[2] Там же. С. 82, 90, 99, 104, 105.

[3] Отчетный доклад т. Сталина на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП (б). // XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). С. 13.

В марте 1939 г., после партийного съезда, А. А. Жданов становится полноправным членом Политбюро, будучи уже членом Оргбюро ЦК и секретарем ЦК и одновременно руководя ленинградской областной и городской партийными организациями. Другие его официальные посты: член Президиума Верховного Совета СССР и председатель Комиссии по иностранным делам Совета Союза Верховного Совета СССР. Внушительный должностной список, отражавший восхождение вверх по партийной номенклатурной лестнице. Положение, которое занял после съезда Жданов — как глава Агитпропа ЦК и внешнеполитической комиссии Верховного Совета СССР, дает основание, подкрепляемое документами, в том числе архивными, назвать его третьим, после Сталина и Молотова, основным действующим лицом с советской стороны, вовлеченным во внешнеполитические дела. И, следовательно, одним из тех советских лидеров, по чьим словам мы можем судить о целях советской политики в мировой войне.

В речи, не предназначавшейся для публикации[1], а потому довольно откровенной — «здесь партийная конференция, стесняться нечего», — сталинская критика политики Запада, получившая огласку на съезде, была доведена до своего логического конца. Это, с одной стороны, указывает на факт единодушия в советском руководстве относительно предвоенной международной стратегии Советского Союза, а с другой — помогает увидеть подоплеку этой стратегии, ее не афишируемые публично экспансионистские цели.

Заявление «постоянно не забывать о существовании капиталистического окружения» А. А. Жданов дополнил призывом «готовиться к тому, чтобы капиталистическое окружение, товарищи, когда-либо

[1] РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 714. Л. 33—54. Далее ссылки на отдельные листы не приводятся.

заменить социалистическим окружением». Реакция партийной аудитории выразилась в «бурных аплодисментах, переходящих в овацию». Партийцам «когда-либо» не показалось слишком отдаленным будущим.

Разумеется, А. А. Жданов говорил об угрозе войны, созданной наступлением фашизма, но смотрел в будущее с оптимизмом. По его словам, «мировая обстановка складывается так, что фашизм, этот зверь, это выражение мировой реакции, империалистической буржуазии, агрессивной буржуазии, который является капиталистическим хищником, вооруженным до зубов, питается слабыми, беззащитными государствами; вы, наверное, заметили, что сейчас эта ось направлена главным образом против Англии и Франции». Хотя Англии, продолжил он, «очень хотелось бы уравновесить положение таким образом, чтобы Гитлер развязал войну с Советским Союзом. Но Гитлер понимает по-своему и считает, что должен развязать войну там, где слабее. И, так как видит, что слабее на Западе, он туда и прет, вместе с Муссолини». Слушатели-партийцы аплодировали и смеялись.

Англии в выступлении А. А. Жданова было уделено особое внимание — как главному поджигателю войны. Но английская политика стравливания одних держав с другими, чтобы «чужими руками жар загребать, дождаться положения, когда враги ослабнут и забрать», рассчитана на людей наивных, простоватых. Что касается Советского Союза, то «у нас даже пионеры могут разгадать это дело, уж очень грубовато это дело».

Раз все так очевидно для советского руководства, которое «обмануть трудно», то и советская внешняя политика также уже вполне определилась: «*...Будем копить наши силы для того времени, когда расправимся с Гитлером и Муссолини, а заодно, безусловно, и с Чемберленом*». (Не лишне повторить эпиграф к статье.) Встре-

чено было аплодисментами. Достаточно откровенно о том, что скрывалось за сталинским предупреждением Западу, сделанным спустя неделю на XVIII съезде, что его ожидает «серьезный провал», и за сталинским же обещанием «исторического возмездия» все тому же Западу в «Кратком курсе истории ВКП (б)». Ключевое слово здесь — «возмездие», то есть присвоенное себе Сталиным право вершить суд.

О последовательности взятого сталинским руководством курса на то, чтобы, дождавшись, чтобы капиталисты «лучше разодрались», своим вмешательством обеспечить господство Советского Союза над обессиленной Европой, говорит второй документ из архивного фонда А. А. Жданова[1]. Это — пространный документ под названием «О текущих задачах пропаганды». Судя по первым словам документа: «За прошедшие двадцать месяцев со времени начала войны...», он составлен в ЦК ВКП (б) в мае 1941 года. Вероятно, после выступления Сталина в Кремле перед выпускниками курсов по усовершенствованию командиров штабов при Военной академии им. М. В. Фрунзе, когда он дал самую высокую оценку боеспособности Красной Армии. То есть тогда, когда подготовка СССР к «большой войне» с врагами социализма вступила в решающую стадию.

Один из пунктов документа (всего их десять) гласит (курсив мой):

«8. СССР живет в капиталистическом окружении. Столкновение между миром социализма и миром капитализма неизбежно. Исходя из неизбежности этого столкновения наше первое в мире социалистическое государство обязано изо дня в день упорно и настойчиво готовиться к решающим боям с капиталистическим окружением, с тем, чтобы из этих боев выйти победителем и тем самым обеспечить окончательную победу социализма.

---

[1] РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 4. Д. 13. Л. 162–177.

Внешняя политика Советского Союза ничего общего не имеет с пацифизмом, со стремлением к достижению мира во что бы то ни стало.

Еще в 1915 году Ленин предвидел возможность наступательной политики после утверждения социализма в одной стране. Он писал: «...возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Победивший пролетариат этой страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств» (т. XVIII, стр. 232—233)[1].

Мирное строительство, передышку от военных столкновений Ленин расценивал как средство накопления сил для последующего боя. Еще в 1920 году он писал: «...но как только мы будем сильны настолько, чтобы сразить капитализм, мы немедленно схватим его за шиворот» (т. XXV, стр. 500)[2].

Далее мы имеем следующее указание Ленина:

«... Говорить нам, что мы должны вести войну только оборонительную, когда над нами до сих пор занесен нож... говорить это нам значит повторять старые, давно потерявшие смысл фразы мелкобуржуазного пацифизма. Если бы мы перед такими постоянно активно-враждебными нам силами должны были дать зарок... что мы никогда не приступим к известным действиям, которые в военно-стратегическом отношении могут

[1] *Ленин В. И.* О лозунге Соединенных штатов Европы. 23 августа 1915 г. Процитировано по 3-му изданию его Сочинений.

[2] *Ленин В. И.* Речь на собрании секретарей ячеек московской организации Р.К.П.(б.). Сочинения, 3-е издание. Ни в 4-м издании (т. 31, стр. 400—405), ни в 5-м (т. 42, стр. 43—46) этого положения нет. Текст 3-го издания, насчитывавший 16 страниц (стр. 498—513), в обоих последующих изданиях сокращен в несколько раз.

оказаться наступательными, то мы были бы не только глупцами, но и преступниками» (т. XXVI, стр. 49—50)[1].

Итак, ленинизм учит, что страна социализма, используя благоприятно сложившуюся международную обстановку, должна и обязана взять на себя инициативу наступательных военных действий против капиталистического окружения с целью расширения фронта социализма.

До поры до времени СССР не мог приступить к таким действиям ввиду военной слабости. Но теперь эта военная слабость отошла в прошлое. Опираясь на свое военное могущество, используя благоприятную обстановку — СССР освободил Западную Украину и Западную Белоруссию, вернул Бессарабию, помог трудящимся Литвы, Латвии и Эстонии организовать советскую власть. Таким образом, капитализму пришлось потесниться, а фронт социализма расширился.

Международная обстановка крайне обострилась, военная опасность для нашей страны приблизилась как никогда. В этих условиях ленинский лозунг «на чужой земле защищать свою землю» может в любой момент обратиться в практические действия.

Таковы коренные изменения, которые произошли в международной обстановке и в жизни Советского Союза. Итак, ленинизм учит, что страна социализма, используя благоприятно сложившуюся международную обстановку, должна и обязана взять на себя инициативу наступательных военных действий против капиталистического окружения с целью расширения фронта социализма».

В таком же «наступательном» духе составлен следующий, 9-й пункт документа, в котором, в частности, говорится: «Эти новые обстоятельства, в которых живет страна, требуют от партийных организаций коренного

---

[1] *Ленин В. И.* Заключительное слово по докладу о деятельности Совета Народных Комиссаров на XIII Всероссийском съезде советов 23 декабря 1920 г. Процитировано по 3-му изданию Сочинений.

поворота в партийно-политической работе по большевистскому воспитанию личного состава Красной Армии и всего советского народа в духе пламенного патриотизма, революционной решимости и постоянной готовности перейти в сокрушительное наступление на врага».

В этом же 9-м пункте содержится указание на необходимость критики фашизма как идеологии, враждебной марксизму, развенчание пропаганды непобедимости германской армии.

И — самый конец документа: «Всей своей пропагандистской и агитационной работой партийные организации обязаны воспитывать боевой наступательный дух Красной Армии и всего советского народа, подчинив все средства пропаганды и агитации — газеты и журналы, брошюры и книги, лекции и доклады, собрания трудящихся и беседы — этой величайшей задаче».

В свете таких разнообразных документальных свидетельств нетрудно представить себе, что взятие Берлина и разгром германского нацизма для сталинского руководства не означали конец схватки с капитализмом. Его бастионы — страны демократического Запада, несмотря на союзнические отношения периода мировой войны, по-прежнему оставались мишенью как классовые враги.

Удивительно ли, что по-разному складывались общественно-политические условия там, куда ступала нога солдата советско-западной коалиции? В зоне англо-франко-американской ответственности в Германии искоренение нацизма сопровождалось созданием предпосылок для демократических порядков. В советской зоне Германии и в странах Восточной Европы, на которые распространялась юрисдикция советских военных властей, также преследовали нацистов, а заодно и тех, кто стоял за буржуазно-демократический строй. На смену последнему шли порядки, очень скоро приобретшие черты порядков советских[1]. Пресле-

---

[1] См., например: *Семиряга М.И.* Как мы управляли Германией. М., 1995.

дуя собственные классово-имперские цели, СССР так и не заключил мирный договор ни с Германией (его де-юре заменили Хельсинские договоренности 1975 г.), ни с Японией (вопрос все еще остается открытым).

Показательно и то, как по окончании войны советские руководители делали все, чтобы свести на нет демократизирующее воздействие на страну победы над нацизмом. Чтобы, говоря словами В. М. Молотова, не оправдались «ожидания наемных буржуазных писак», что советские люди, познакомившись с порядками и культурой на Западе, «вернутся домой с желанием установить такие же порядки на Родине»[1]. Ветеран войны писатель В. П. Астафьев писал о причинах послевоенных массовых репрессий: «Нужно было убирать тех солдат, тех вольнодумцев, которые своими глазами увидели, что побежденные живут не в пример лучше победителей, что там, при капитализме, жизнь идет гораздо здоровей и богаче... Вот и стал товарищ Сталин губить тех, кто ему шкуру спас»[2]. Показательно, что по окончании войны власти старались приглушить память о гитлеровском геноциде евреев, введя негласный запрет на публикации о холокосте. Известный публицист О. Р. Лацис писал по этому поводу, что «действовала логика соучастников, стремившихся скрыть глубинное родство сталинских преступлений с гитлеровскими»[3].

Изучение материалов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) показывает, что Сталин лично инициировал репрессивные политико-идеологические кампании

---

[1] Тридцатилетие Великой Октябрьской социалистической революции. Доклад В. М. Молотова на торжественном собрании Московского Совета 6 ноября 1947 г. // Внешняя политика Советского Союза. Документы и материалы. 1947 год: В 2-х ч. М., 1952. Ч. 2. С. 65.

[2] Родина. 1991. № 6–7. С. 54–55.

[3] *Лацис О. Р.* Тщательно спланированное самоубийство. М., 2001. С. 232.

первых послевоенных лет, направленные на подавление любых ростков свободомыслия[1]. Продолжилась начатая в годы войны депортация малых народов Крыма и Кавказа, представителей других народностей, пострадали многие творчески мыслящие интеллигенты, на государственный уровень был поднят антисемитизм, усиленно культивировался «образ врага» на Западе в развернувшейся холодной войне. Исследователь этого исторического периода Е. Ю. Зубкова подчеркивает основополагающее значение первых послевоенных лет в развитии советской системы и советского общества[2]. Сложившая еще до этого сталинская модель тоталитарного социализма приняла стабильные очертания.

Обоснованием политико-идеологических кампаний послевоенного времени, в ряду которых была кратковременная, но шумная кампания против «безродных космополитов», стала давняя марксистско-ленинская концепция борьбы «двух систем», трансформировавшаяся в годы холодной войны в концепцию борьбы «двух лагерей», возглавляемых соответственно Советским Союзом и Соединенными Штатами. В развернутом виде она была представлена в докладе, с которым выступил А. А. Жданов на совещании при создании преемника Коминтерна — Коминформа (1947). Обвинив США в проведении курса на установление мирового господства, Жданов сделал упор на обострение идеологической борьбы, в то же время стараясь опровергнуть утверждения, что линия идейного противостояния пролегла между западной демократией и советским тоталитаризмом[3].

---

[1] См., например: Сталин и космополитизм. Документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945–1953. М., 2005.

[2] См. *Зубкова Е. Ю.* Послевоенное общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 2000.

[3] Из доклада А. А. Жданова «О международном положении» на первом совещании Коминформа. // Сталин и космополитизм. Документы Агитпропа ЦК КПСС. С. 143.

Участие СССР в коалиции со странами Запада, с одной стороны, явилось одним из решающих условий победы над объединенными силами нацизма, фашизма и милитаризма, с другой — способствовало выживанию и укреплению тоталитарного советского режима. Отсюда продолжение глобального конфликта по линии демократия против тоталитаризма в наступившей холодной войне. В противостоянии с продвинутыми, демократическими странами силы тоталитаризма были обречены на конечное поражение. Раньше Германия — во Второй мировой войне, позже СССР — в итоге холодной войны, которая завершилась крушением коммунистической идеи и распадом Советской империи.

Дитер Шмидт-Нойхауз

СПОСОБЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ПОДЛОГОВ О ТОМ, КАК НКВД ПРИМЕНЯЛ «КАТЫНЬСКУЮ МОДЕЛЬ»

1. Предыстория. НКВД в Тернополе, 1939–1941

Западноукраинский районный центр Тернополь (украинский Тернопиль, русский Тернополь) находится в Восточной Галиции, северо-восточнее Карпатской гряды, на волынско-подольском плато у реки Серет, левом притоке Днестра, в 110 километрах юго-восточнее Львова.

Тернополь был основан в 1540 г. и сначала в течение более двух столетий принадлежал Польше. При первом разделе Польши в 1771-м Галиция вместе с Тернополем вошла в качестве коронных земель в Австрийскую империю. По шеннбрунскому мирному договору в октябре 1809-го Австрия уступила эту землю России, но по решению Венского конгресса в 1815 г. получила ее снова в свои владения. После Первой мировой войны и до 1939 года Тернополь принадлежал Польше.

Большинство населения региона составляли украинцы, в основном крестьяне и мелкие фермеры. В 1939 г. в Тернополе жило примерно 40 000 человек. Самую большую группу населения города, как многих других городов (местечек) Галиции, составляли

евреи — от 17 до 18 тысяч человек. За ними следовали 12 тысяч украинцев и 10 тысяч поляков. Несмотря на сильную полонизацию и существующую взаимную дискриминацию, жители Тернополя сосуществовали относительно мирно.

Тернополь, конечно, всего лишь один из тысяч или десятков тысяч населенных пунктов, ставших жертвами войны 1941—1945 гг. между Германией и Советским Союзом и попавших в историческую литературу. Однако описываемый случай — военные события всего лишь нескольких дней, а также их описания — характерный пример того, как рождаются заблуждения, фальсификации, к чему приводит замалчивание фактов и как труден впоследствии поиск правды. Именно этот случай привел к открытию механизма фальсификации истории, пропущенного в научном мире.

В сентябре 1939 г. в ходе польской кампании немецкие войска заняли Тернополь на несколько дней и затем передали город, согласно пакту Гитлера—Сталина, Красной Армии. Восточная Польша была аннексирована Советским Союзом. Южная часть с Тернополем была присоединена к Украинской Советской Республике. Кардинальные перемены во время короткого советского господства, с сентября 1939 г. по июнь 1941 г., (21 месяц) играют в оценке более поздних событий существенную роль.

Советизация и массовые преступления советской стороны касались всех групп населения, особенно националистически настроенных украинцев, поляков, а также зажиточных евреев, принадлежавших к сионистским кругам[1]. В регионе Тернополя с 1939 по 1941 г. несколько тысяч жителей — украинцев, поляков и евреев — были арестованы и, начиная с февраля 1940 г., тремя этапами депортированы в глубь Советского Союза. Эта участь миновала примерно 60 000 га-

---

[1] *Jan T. Gross.* Revolution from Abroad: The Soviet Conquest of Poland's Western Ukraine and Western Belorussia, Princeton University Press, 2002.

лицийских немцев, которые были переселены в Германию по соглашению с германским рейхом. Четвертый этап, целью которого была очистка пограничной территории, совпал с нападением немецких войск. В этот момент в тернопольской следственной тюрьме, штабквартире НКВД, рассчитанной на 700 узников, находилось около 2000 арестованных.

Репрессии достигли своего максимума в конце июня 1941 г., через несколько дней после начала германо-советской войны, когда в НКВД поступил приказ из Москвы передислоцировать все тюрьмы, расположенные недалеко от границы, либо, если это невозможно, ликвидировать всех политических заключенных. Более 1000 человек из Тернополя погнали на железнодорожную станцию, находящуюся восточнее города, причем многие были по дороге просто расстреляны[1]. 574 политических заключенных, в основном украинцы[2], и 10 немецких военнопленных[3] были убиты, и трупы их остались в тюрьме НКВД. Эти процессы были хорошо документированы, все жертвы записаны поименно, в противоположность событиям, случившимся после вывода советских войск.

Более 200 уголовников НКВД освободил. Снабжение населения продуктами во время хозяйствования советских было организовано очень плохо. Оружие доставалось легко, начались грабежи магазинов, а насилия и убийства достигли масштаба, до той поры еще не виданного.

Без этой предыстории трудно понять дело, названное «Тернополь, июль 1941».

---

[1] *Krzysztof Popinski/Aleksandr Kokurin/Aleksandr Gurjanow:* Drogi Smierci. Ewakuacja wiezien sowieckich z Kresow Wschodnich II Rzeczypospolitej w czerwcu i lipcu 1941. Warszawa 1995, S. 84, 97, 102.

[2] *Oleh Romaniv, Inna Fedushchak:* Western Ukrainian Tragedy. 1941. Shevchenko Scientific Society/Ukrainian Free University Foundation in USA, Library of Ukrainian Studies, No. 18, Lviv–New York, 2002.

[3] Bundesarchiv-Militärarchiv (BA-MA) Freiburg, RW 2/149, Blatt 270.

2. События начала июля 1941 — Дело «Тернополь»

В районе Тернополя шли бои с Красной Армией, в которых участвовали девятая танковая дивизия из Вены, дивизия ваффен-СС «Викинг» и две пехотные дивизии. После отхода Красной Армии, но еще перед занятием города девятой танковой дивизией, группа украинцев под предводительством некоего врача ворвалась в здание тюрьмы, где и обнаружила трупы жертв энкавэдэшной бойни.

Родственники расстрелянных, созданная в городе украинская милиция, не контролируемые немецкой армией украинские «маршевые эшелоны» фракции Бандеры и, вероятно, также служба безопасности «Организации украинских националистов» (OUN/Sluzba Bezpeki) убили в первые дни июля до сих пор неизвестное количество жителей города. Среди них были виновные в убийствах и пособники советской системы, русские, евреи, поляки и украинцы. Можно предположить, что жертвами мести стали и не замешанные ни в чем жители-евреи, потому что население считало, что евреи играли главную роль в советском аппарате угнетения[1]. Ясно, что в эти дни многие сводили и старые счеты.

Сколько человек пало жертвами личных актов мести или массовых убийств, организованных силами ОУН, в отличие от предшествующих событий, не выяснено до сих пор. Предположительно, от 50 до 500 жителей Тернополя стали жертвами бесчинств, творимых во время и после ухода советских, а также актов отмщения.

Разница между минимальным и максимальным количеством жертв на целый порядок — 50:500 — неприемлема для историографии и требует уточнения. До сих пор не сделано никаких попыток к выяснению

[1] *Osyp Zaliba*: U pochodi na schid. In: Na zov Kieva [On the Call of Kiev]. Ukrains'kyj

этой ситуации, что, несомненно, было бы важной задачей юристов и историков, особенно украинских.

Немецкие солдаты и офицеры не были готовы к зрелищу гор трупов — результатов политических чисток и этнических массовых убийств. Когда командующий XIV армейским корпусом, генерал от инфантерии Густав фон Витерсхайм осознал масштаб бесчинств, в основном антисемитских актов мести украинцев, он назначил 4 июля 1941 г. артиллерийского командира, полковника Зандера, комендантом города и временно подчинил ему 3-ю роту полка «Север» дивизии ваффен-СС «Викинг» в качестве охранного подразделения. Как сообщал тогдашний старший лейтенант и адъютант девятой танковой дивизии, требовалось «жесткое руководство, чтобы удерживать от беспорядков возмущенное городское население»[1]. Под угрозой жестокого наказания армия через несколько дней прекратила грабежи, акты возмездия и другие преступления. Тела десяти убитых немецких военнопленных были похоронены пятого и шестого июля 1941 г.

Количество жертв — вообще тема сложная. Во время катастроф и демонстраций данные о количестве жертв сильно разнятся из-за трудностей учета и из-за различий интересов участников событий. Расхождения в цифрах в десять раз, то есть на целый порядок, не редкость. Однако для серьезной исторической науки приемлемой может быть неточность, равная максимально фактору 1:2[2].

В деле «Тернополь, июль 1941» сообщенные свидетелями данные о числе жертв беспорядков, длившихся нескольких дней, максимум неделю, расходятся на три порядка. Речь идет о сотнях (300—600), тысячах (4, 5, 8 тысяч) и о десятках тысяч (15 и 25 тысяч) жертв одного и того же события. Для жертв погромов нет по-

---

1 *Carl Hans Hermann*: Der Einbruch in die Stalin-Linie. Mitteilungsblatt der Kameradschaft ... 9. Panzer-Division, Wien, Folge 34, Juni 1965, S. 8.

2 *Gunnar Heinsohn*: Lexikon der Völkermorde, Hamburg 1998. S. 11.

именных списков, в отличие от 574 жертв НКВД июня 1941-го. Это создает много возможностей для ошибок, полуправды и фальсификаций. Свидетели видели на улицах города трупы. Но лишь некоторые из жертв были опознаны и названы по имени, как, например, отец раввина Оренштейна, глава бывшего еврейского предприятия Парнас, которого советские поставили руководить украинским кооперативом обувщиков. Или фотограф Альтер Кацизне (Alter Kacyzne), польский еврей из Варшавы. Он был известен как советский культурный функционер в Лемберге (Львове), в 1940–1941 гг. сбежал из Львова, был в Тернополе узнан украинцами и убит. С советской властью в Тернополе, а тем более с предшествующими преступлениями НКВД, ничего общего он не имел.

По-настоящему приблизиться к исторической правде можно только тогда, когда каждая жертва будет названа по имени, и по отношению к жертвам это единственная справедливость. В советском блоке, например, отношение к евреям как к жертвам не приветствовалось. В государствах — наследниках Советского Союза почти ничего не предпринимается для того, чтобы были выявлены все жертвы Сталина и Гитлера. Эту задачу, по утверждению Сержа Кларсфельда,[1] в Восточной Европе предстоит еще решать — в отличие от Западной Европы, где судьбы жертв преследований и депортаций во время Второй мировой войны исследованы достаточно.

В течение пяти десятилетий в деле «Тернополь» ничего не происходило. Опубликованный в мемуарах, свидетельских показаниях и в справочных пособиях материал не ставился под сомнение и не обсуждался вплоть до 1990-х годов.

В 1995 г. на очень успешной и хорошо посещаемой передвижной выставке «Война на истребление. Пре-

---

[1] *Serge Klarsfeld:* Aussage zu Deportationen und Verfolgung in Europa am 16.6.2009 auf der Konferenz «Operation 1005» in Paris.

ступления вермахта с 1941 по 1944», проходившей в Австрии и Германии, были представлены материалы, которые обвиняли солдат вермахта в убийстве по меньшей мере тысячи евреев в Тернополе. Поводом для этой акции была якобы месть за 10 немецких военнопленных, убитых НКВД.

Опровержение этих ложных обвинений привело к тому, что в 1999 году выставка закончила свое существование. Единичный случай «Дело Тернополь» раскрыл механизм фальсификации истории, не замеченный никем в течение многих десятилетий.

3. Происхождение данных о числе жертв в Тернополе в июле 1941 г.

Самое меньшее число жертв — 600 человек — упомянуто в документах Главного управления имперской безопасности (РСХА) в Берлине, касающихся этого случая летом и осенью 1941 г. Документы были открыты для общественности в 1945 г. Цифра 600 не подтверждалась другими источниками, но могла, однако, примерно соответствовать правде. Следует принять во внимание, что сотрудники действовавшей тогда в Тернополе зондеркоманды 4б айнзатцгруппы С вполне могли сообщать начальству в Берлине завышенные данные о результатах своей деятельности. Так в Штутгарте в 1966 г., в районном суде во время процесса над одним нацистским преступником, между прочим было установлено, что казням, совершенным зондеркомандой 4б в Тернополе, «предшествовали украинские погромы, вызвавшие примерно 500–600 жертв»[1].

Цифра 1000, касающаяся жертв, возникает только однажды, а именно, осенью 1941 г. в Вене, в так называемом «Тексте Францля». Этот неавторизованный пропагандистский документ, составленный одним из

[1] LG Stuttgart: Urteil Ks 7/65, Rabe u.a., 15.7.1966.

лидеров местной группы НСДАП, играл важную роль в середине 1990-х гг., поскольку на первой передвижной выставке Гамбургского института социальных исследований он фигурировал в качестве ключевого документа о массовых преступлениях вермахта.

Важным источником для отражения событий в Тернополе стали мемуары польско-еврейской учительницы Жанеты Маргулис, главного свидетеля и очевидца событий, работавшей в Варшаве до 1939 г. Родом из известной в Тернополе богатой еврейской семьи Парнасс, она возвратилась в родной город после захвата Варшавы немецкими войсками. Ее родители, крупные предприниматели, оказавшись в оккупированной советскими войсками Восточной Польше, хоть и лишились собственности, сумели, однако, приспособиться к новой власти и потому не были депортированы. Отец был даже назначен главой кооператива обувщиков. Сама госпожа Маргулис, продолжавшая работать учительницей в одном из государственных учебных заведений, выступала в роли пропагандиста советской власти.

В начале июля 1941 г. некоторые из членов семьи пали жертвами актов возмездия, глава семьи был убит своими подчиненными, украинскими обувщиками, а госпожа Маргулис сумела скрыться под видом арийки и спастись.

После освобождения в 1944 г. госпожа Маргулис вернулась с советской Украины на прежнее место жительства в Варшаве. Там она написала свои воспоминания и передала их некоей советско-польской комиссии. В 1949 г. госпожа Маргулис покинула Польскую Народную Республику, эмигрировав в Израиль. Ее мемуары были опубликованы впервые в 1955 г. в Иерусалиме на идиш[1], а затем, пять лет спустя, по-польски в

---

[1] Janet Margulies: Mein Überleben im Tarnopoler Ghetto. In: Ph. Korngruen: Encyclopaedia of the Jewish Diaspora, Poland Series, Tarnopol Volume. Jerusalem 1955, S. 417-436.

Варшаве[1]. Дополненные воспоминания вышли на иврите в 1981 г. в Тель-Авиве[2] и в 1992 г. на английском в США[3]. Английское издание носит название, вводящее читателя в заблуждение, поскольку госпожа Маргулис никогда не была в Бельжеце.

Различные версии ее воспоминаний отличаются друг от друга деталями. Однако госпожа Маргулис, живя в условиях свободы, выступая свидетельницей в немецких послевоенных процессах, до конца своей жизни продолжала утверждать одно и то же, а именно, что в течение одной недели, до 11 июля 1941 г., было убито «5000 евреев, среди них 800 женщин и детей». В течение десятилетий эти данные с готовностью публиковались, цитировались и не подвергались сомнению.

Свидетельство госпожи Маргулис попало в 1991 г. в английском переводе в США в антиукраинскую книгу, инспирированную и снабженную материалами с советской стороны[4]. В этой же книге был, правда, опубликован один советский документ 1944 г., в котором то же число жертв — 5000 — обозначалось «жертвами среди мирного советского населения». Таким образом, происхождение этой цифры могло быть приписано НКВД. Этот факт, однако, прошел мимо историков, во всяком случае, не вызвал их интереса.

Похожие показания были даны и другими очевидцами. Например, Пинхас Шейман на предварительном следствии в Западной Германии[5] сообщил, что на

---

1 *Zaneta Margules:* Moje przezycia w Tarnopolu podczas wojny. In: Biuletyn Zydowskiego Instytutu Historycznego Heft 36 (1960), S. 62–94.

2 *Yaffa Margulies-Shnitzer:* Nitsalti mi-kivshane Belzets [I escaped from Belzec Crematories], Israel, 1981.

3 *Yaffa Margulies-Shnitzer:* I survived Belzec Crematories. Brooklyn, 1992, S. 13–56.

4 *B. F. Sabrin (Ed.):* Alliance for Murder. The Nazi-Ukrainian Nationalist Partnership in Genocide. New York 1991, S. 61–75, S. 269–275.

5 *Pinkas Scheimann:* Vernehmung am 16.3.1966, Strafverfahren Landgericht Stuttgart (Ks 7/64) gegen Raebel u. a., Band 239, S. 13; BArch B 162/18057, Bl. 4537.

третий день после занятия Тернополя немецкими войсками украинцы отвели его туда, где на улицах были расстреляны 5000 евреев. Абрахам Окс[1] сообщает о двух погромах, одном «официальном антиеврейском», и о другом, устроенном украинскими националистами с общим количеством жертв примерно 5000.

В некоторых показаниях число жертв отличается друг от друга, как, например, в показаниях доктора Израиля Шорра из Бучача, который 2 июля 1941 г. был в Тернополе. По его свидетельству, находящемуся в архиве в Варшаве[2], 4 июля 1941 г. в городе произошел погром, в результате которого были убиты 5600 евреев. В другой книге воспоминаний о Бучаче[3] 1956 г., сообщалось о трех тысячах жертв еврейского погрома. В одной книге возникает даже цифра 8000 жертв[4], но это, скорее всего, опечатка. Во всех самых важных справочных изданиях после окончания Второй мировой войны можно найти цифру 5000, касающуюся количества жертв тернопольских событий июля 1941 г. Эта цифра лежит в основе большинства свидетельских показаний, например: «К началу немецко-советской войны в Тернополе проживало около 17 000 евреев.... 5000 евреев были убиты, в основном мужчины»[5], или: «В 1939 г. в Тернополе было 18 000 евреев... 5000 евреев было уничтожено (4—11 июля)[6].

---

1 *Abraham Ochs*: The Dark Clouds, in: B. F. Sabrin (Ed.): Alliance for Murder. The Nazi-Ukrainian Nationalist Partnership in Genocide, New York 1991, S. 23.

2 *Israel Schorr*, Zydowski Instytut Historyczny, Warsaw (Jewish Historical Institute, ZIH), ZIH 301/4682, 690—70, USHMM RG 15.084M Reel 51.

3 *I. Kahan (Ed.)*: Book of Buczacz; in memory of a martyred community, Tel Aviv, Am Oved, 1956, S. 284.

4 *Eric Joseph Epstein, Philip Rosen*: Dictionary of the Holocaust. Biography, Geography, and Terminology, Greenwood Press, Westport, Conn., London, 1997.

5 *Pinkas Hakehillot Polin*: Encyclopedia of Jewish Communities, Poland, Volume II, Yad Vashem 1963, 234—251.

6 Encyclopaedia Judaica Jerusalem, Vol, 15, 1971, S. 818.

То, насколько бесспорной оказалась эта цифра даже после распада Советского Союза, продемонстрировал Богдан Хинка, профессор Высшей педагогической школы в Тернополе в 1999 г. Он прочитал лекцию, позже опубликованную в печати, в которой говорилось о том, что 4 июля 1941 г. гитлеровцы организовали первый погром среди 15 000 живущих в Тернополе евреев, и 5000 из них расстреляли[1]. Автор, который умолчал об участии украинцев в этих бесчинствах, не понял, что эти данные были им взяты из советских источников, где и число преступников, и количество жертв не соответствовали правде. Первое уточнение по этому поводу появилось только в 2008 г.[2]

Существовало очень странное расхождение в числе жертв в многотомной «Энциклопедии холокоста». Обзорная статья, написанная Аароном Вайссом, была переведена буквально дословно. Однако в английском и немецком изданиях количество жертв разнится на порядок: согласно оригиналу на иврите и английском[3], немцы и украинцы убили «примерно 5000 евреев». В немецком переводе «немцы и украинцы» уничтожили во время погрома «около 600 евреев»[4]. Возможно, редактор немецкого текста уже тогда сомневался в достоверности числа 5000 или не счел его убедительным. В любом случае, он поставил цифру 600, как информацию из Главного управления имперской безопасности, без единого объяснения этого изменения со своей стороны. Издатели немецкого текста ничего не заме-

---

[1] *Bohdan Hinka:* Ternopil in der Zeit des Krieges. Zeitweiser der Galiziendeutschen 2000, Stuttgart 2000, S. 204–207.

[2] *Dieter Schmidt-Neuhaus:* Der Fall Tarnopol 1941/1944 und das erfolgreiche Katyn-Modell der sowjetischen Geschichtsfälschung. Zeitweiser der Galiziendeutschen 2009, Stuttgart 2009, S. 293–295. (Im Internet: www.swg-hamburg.de).

[3] *Israel Gutman (Ed.):* Encyclopedia of the Holocaust, Vol. 4, Jerusalem 1990, S. 1458: Ternopol. Verfasser: Aharon Weiss.

[4] *Jäckel/Longerich/Schoeps (Hg.):* Enzyklopädie des Holocaust, Band III, Berlin 1994, S. 1402.

тили, в любом случае ничего об этом не сообщили. Внести ясность в этот сомнительный вопрос не представлялось возможным, поскольку ответственный редактор Петер Лонгерих в 1999 и 2000 гг. не ответил на три запроса автора этой статьи о существующем расхождении.

Все четырехзначные числа, обозначающие количество жертв, а именно, более одной тысячи, основываются на заблуждениях или фальсификациях.

4. Август, граф фон Кагенек, или Как можно поверить в абсолютную чушь

Август, граф фон Кагенек, отпрыск знатного дворянского рода, молодой лейтенант и командир взвода разведывательного батальона 9-й танковой дивизии (9 PD), был при взятии Тернополя награжден Железным крестом 2 класса. Он был действительным очевидцем тех событий. С 1955 г. он жил во Франции в качестве журналиста известных немецких газет и немецкого телевидения. В 1968 г. он опубликовал свои воспоминания юности — книгу с названием «Лейтенант под знаком Смерти»[1]. На обложке изображен он сам в черной униформе танкиста с нашивками в виде черепа на воротничке. Новый тираж 1994 г. в связи с возможным недоразумением — изображения черепа носили соединения СС — получил иное название: «Лейтенант танковых войск»[2]. Ссылаясь на свидетельство своего шофера Ханзена, Кагенек пишет, что дивизия ваффен СС «Викинг», которая прошла через Тернополь после его 9-й танковой дивизии, уничтожила за два дня «все еврейское население Тернополя... более чем 15 000 мужчин, женщин и детей». По другим свидетельствам, из его батальона, из-за недостатка боеприпасов эсэсов-

---

[1] *August von Kageneck:* Lieutenant sous la tête de mort. Paris 1968.

[2] *August von Kageneck:* Lieutenant de Panzers. Paris 1994, S. 121–124.

цы приказывали будущим жертвам «убивать друг друга всем, чем придется». Звучит это скорее как советская пропаганда ужасов, как и другие утверждения Кагенека. Не говоря уже о том, что убийство десятков тысяч людей за два дня — процедура трудоемкая и бессмысленная.

В своей книге «Испытание совести»[1], вышедшей также во Франции в 1966 г., Кагенек посвятил массовым убийствам, приписываемым дивизии «Викинг», отдельную главу «Евреи Тернополя». В этот раз он назвал другого очевидца, своего тогда еще здравствующего бывшего шофера, унтер-офицера Райффа, правда, не поставив того в известность и не получив от него согласия на публикацию. По словам Каганека, дивизия ваффен-СС «Викинг» за два дня, 3 и 4 июля 1941 г., уничтожила все еврейское население города целиком. Если население Тернополя, по его неверным сведениям, насчитывало тогда 50 000 человек, то жертвами стало 25 000. Какой-то начальник приказал, «чтобы сэкономить боеприпасы, убивать лопатами и мотыгами». В этой книге Кагенек приводит «текст Францля», как «письмо одного солдата от 6 июля 1941 г. из Тернополя», в качестве дополнительного доказательства своего абсолютно бессмысленного тезиса об уничтожении всех тернопольских евреев. Кагенек в качестве почетного гостя присутствовал на первой выставке «Преступления вермахта» в Дрездене в 1998 году, которую он и открыл своей речью[2]. На большое количество противоречий между его изложением событий и представленным на выставке материалом не обратили внимания ни участники, ни гильдия историков.

Книга «Испытание совести», вышедшая во Франции, привлекла к себе внимание в Германии тогда,

---

[1] *August von Kageneck*: Examen de Conscience. Paris 1996, S. 35–48, 161.

[2] *August Graf von Kageneck*: ...wenn Verrat ehrenhaft und Treue ehrlos wird. Rede zur Eröffnung der Ausstellung «Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944.» Dresden 18.1.1998.

когда два известных рецензента крупных газет повторили абсурдное утверждение Кагенека об уничтожении всех евреев Тернополя войсками СС, приняв его, очевидно, за правду. Таким образом, десятки тысяч немецких читателей узнали впервые об обвинениях Кагенека в отношении своих же тогдашних товарищей по оружию, что вызвало читательские протесты. Кагенек отреагировал на критику немедленно: в открытом письме в газету[1] он взял обратно обвинения, касающиеся дивизии «Викинг». Не она, а айнзатцгруппа СС доктора Раша повинна в преступлениях, по его мнению, доказанных историей. Ни себя, ни своего «тогдашнего свидетеля ефрейтора Р., он не может обвинить в фальсификации или клевете». Его свидетель якобы перепутал солдат дивизии «Викинг» ваффен-СС с членами айнзатцгруппы. Хотя этого не могло быть уже только потому, что они носили совершенно разную униформу[2]. Таким образом, Кагенек, хоть и переложил вину на плечи SIPO-SD-зондеркоманды, обелив дивизию «Викинг», но продолжал настаивать, что преступление имело место. Названный свидетель пытался протестовать[3], но заставить Кагенека изменить позицию не смог.

О событиях в Тернополе Кагенек упомянул в третий раз в своей книге, вышедшей в Германии в 1998 г.[4] В этот раз он не называл никаких чисел и ссылался, не упоминая имени, на свидетельство «моего патрульного солдата», который ему якобы рассказал, что «люди СС в конце, устав стрелять, убивали свои жертвы лопатами, очевидно, чтобы сэкономить боеприпасы».

---

1 *August von Kageneck*, Leserbrief «Nicht die Wiking-Division», FAZ 17.1.1997.

2 Brian *Leigh Davis, Pierre Turner*: German Uniforms of the Third Reich, Blandford Press Ltd., Poole, Dorset, 1980.

3 K. R.: Brief vom 22.10.1997 an August Graf von Kageneck.

4 *August Graf von Kageneck*: Zorn und Scham. Ungesammelte Gedanken zum größten anzunehmenden Unfall unserer Geschichte. Mainz 1998, S. 83-84.

Подтверждением этого свидетельства Кагенек считал «письмо к родителям некоего Ф. от 6 июля 1941 г. из Тернополя», которое экспонируется на выставке «Война на истребление. Преступления вермахта с 1941 по 1944». Он цитировал дословно выдержки из этого письма полевой почты, сделав, таким образом, сомнительный «текст Францля» единственным документальным доказательством военного преступления немцев в Тернополе.

В книге, вышедшей в Париже в 2002 г.[1] Кагенек предложил четвертый вариант событий. Кто-то из его солдат видел, как люди в униформе СС в течение двух дней, 3 и 4 июля 1941 г., уничтожили всех евреев города с помощью остального населения. Чтобы экономить боеприпасы, убивали лопатами и мотыгами. Всего убито около 1000 человек. Так Кагенек отказался от десятков тысяч и использовал фальшивую цифру, стоящую в «тексте Францля», которая противоречила его же утверждению о гибели всех евреев.

Кагенек — очевидец, действующее лицо и car-обвиняемый, описывал не собственные наблюдения, а абсурдные сфабрикованные свидетельства, ссылаясь на своих тогдашних подчиненных. Пережившая эти события госпожа Маргулис описывала солдат в черных униформах с черепами, как мародеров и убийц. Эту униформу носил Кагенек в качестве офицера девятой танковой дивизии. Историк Дитер Поль (Dieter Pohl) даже предположил, что массовый убийца «Францль» был одним из дивизионных товарищей Кагенека. Итак, устроители выставки[2] не отрицали, что девятая танковая дивизия могла в числе прочих дивизий участвовать в массовом уничтожении евреев, тем

---

[1] *Hélie de Saint Marc et August von Kageneck.* Notre Histoire (1922–1945). Les arènes, Paris 2002, S. 187–188.

[2] Hamburger Institut für Sozialforschung. Errata und Ergänzungen zum Ausstellungskatalog «Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944». Hamburg 1998, S. 2.

не менее они пригласили Кагенека на открытие как важную персону.

Чтобы доказать абсурдность заявлений Кагенека, можно рассмотреть событие, происшедшее весной 1940 г., когда советские войска уничтожили примерно такое же количество польских военнопленных, примерно 25 000 (Дело «Катынь»), но в разных местах. Это была бы непосильная задача для нескольких дюжин людей, которые входили в зондеркоманду 4б айнзатгруппы С, ликвидировать примерно 20 000 человек, то есть половину населения небольшого городка, в течение двух дней. Массовое преступление такого масштаба в самом начале советско-немецкой войны с уверенностью сохранилось бы в памяти многих людей и не укрылось бы от преследователей нацистских преступников.

Самое худшее, однако, в случае Кагенека то, что ни один историк не поставил его данные под вопрос и не затеял дискуссию по поводу несоответствия количества жертв и преступников, временных рамок и всех остальных очевидных глупостей. Заявления Кагенека были известны во Франции и в Германии десятки лет, их использовали известные публицисты и формировали таким образом общественное мнение.

5. Проверка достоверности происхождения данных о 5000 жертв

Гамбургский институт социальных исследований — учреждение частное. Его основатель — наследник табачной фирмы Reemtsma Ян Филипп Реемтсма. В начале 1990 гг. в рамках научно-исследовательского проекта «Перед лицом нашего столетия. Насилие и разрушения в процессе цивилизации» институт разработал передвижную выставку. Называлась она «Война на истребление. Преступления вермахта в 1941—1944 гг.» и с марта 1995 года по октябрь 1999 г. с

огромным успехом была показана в 27 городах Германии и в шести городах Австрии. Ее посетили 800 000 человек. Критика в адрес формы и содержания выставки звучала с момента ее открытия, особенно сильно — когда в 1997 г. ее привезли в Мюнхен. Но ни тогдашняя критика, ни более поздняя, когда в январе 1999 г. еженедельный журнал «Шпигель» опубликовал доказательства Мусиаля по поводу фальшивых фотографий, не принималась во внимание организаторами выставки. Ни представители исторической науки, ни власти, ни средства массовой информации не видели очевидного, и выставка, финансируемая из разных источников, была осенью 1999 г. на пике своего успеха. Уже готовилась параллельная выставка в США, которую собирались открыть к концу года.

Достойным удивления, правда, было то, что на передвижной выставке данные о количестве жертв Тернополя ограничивались 1000, а потом — 600 человек, хотя в целом преступления вермахта представлялись в как можно более ужасном виде. Вполне возможно, что и в этом случае работникам института цифра в 5000 показалась малоприемлемой. Фактически это бы означало, что в Тернополе после первой недели июля 1941 г. не осталось ни одного еврея мужского пола в возрасте от 18 до 65 лет. Можно с уверенностью сказать, что это неправда. Документальные доказательства этого тоже отсутствуют.

Данные выставочных материалов «Дела Тернополь» часто бездумно перенимались историками и журналистами, что, несомненно, сыграло важную роль в истории падения самой выставки. На стенде «Тернополь» были вывешены четыре фотографии из одного Венского архива, а рядом с ними — предполагаемое письмо солдата Францля, посланное якобы полевой почтой его родителям в Вену. Это письмо стало единственным документом, свидетельствующим об уничтожении 1000 евреев солдатами вермахта. Однако письмо не содержит в себе никаких доказательств о

преступлениях вермахта в начале июля 1941 г. Пять из семи фактов, приведенных в письме, — фальшивые. Два остальных основываются на преступлениях советских войск. «Письмо Франциля» смогло стать ключевым документом единственно потому, что было прислано якобы полевой почтой, а автор этого текста был самовольно кем-то обозначен как солдат вермахта. После первой же публикации в 1995 г. это было подхвачено некоторыми специалистами, с готовностью перенято прессой и распространено средствами массовой информации. На самом деле так называемый Текст Франциля, появившийся в Вене летом/осенью 1941 г., не что иное, как пропагандистский плакат, в котором факты о преступлениях НКВД — убийство 600 украинцев и десяти немецких военнопленных в конце июня 1941 г. — превратились в желаемую, но не реализованную кровожадную фантазию убежденных нацистов[1]. Это не единственный текст такого рода, доказывающий только одно: антисемитские взгляды некоторых венских партийных чиновников и их аморальность.

В октябре 1999 г. в журнале для преподавателей истории Германии появился короткий разбор «Дела Тернополь», правда, речь шла только о четырех фотографиях[2]. Случайно в это же время были опубликованы два расследования, проведенные молодыми иностранными историками, также касающиеся этих фотографий. Поскольку самая большая газета Германии — «Франкфуртер аллгемайне цайтунг» (FAZ) поместила эти сообщения на первой полосе, разные

---

1 *Dieter Schmidt-Neuhaus*. Der Fall «Franzl-Brief aus Tarnopol» — Wie aus einer nicht realisierten Rachemordphantasie ein NS-Propagandaaushang und schließlich ein Beweis für Verbrechen der Wehrmacht fabriziert wurde. http://www.tu-berlin.de/fb1/AGiW/Hospitium/FranzlBA. htm; 2004 und 2010.

2 *Dieter Schmidt-Neuhaus*. Die Tarnopol-Stellwand der Wanderausstellung «Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 1944». Eine Falluntersuchung zur Verwendung von Bildquellen. Geschichte in Wissenschaft und Unterricht (GWU) 10/1999, S. 596-603.

СМИ начали обвинять устроителей выставки в экспонировании фальшивых фотографий. Точнее, фотографии были настоящие, но экспонировались не в нужном месте и неправильно атрибутировались. В течение нескольких дней разоблачения трех «чужаков»[1] — Мусиала[2] (Musial), Шмидт-Нойхауза (Schmidt-Neuhaus) и Унгвари[3] (Ungváry) — привели к внезапному и бесславному концу до тех пор очень успешной выставки. На самом деле она была подготовлена очень небрежно и с большими ошибками. Естественно, готовившаяся параллельно выставка в США не состоялась. В этом сыграло огромную роль «Дело Тернополь», поскольку на одной из фотографий трупы десяти военнопленных, убитых НКВД, ошибочно выдавались за еврейские жертвы вермахта. Неловкость положения усугублялась тем, что на гробах были видны — если приглядеться — христианские кресты. Разбор «Дела Тернополь» с того времени описывается в учебниках[4] и разбирается на семинарах.

Итак, «Дело Тернополь» было вначале представлено как тяжкое военное преступление вермахта. На двух страницах каталога публике рассказывали о том, как солдаты вермахта уничтожили от 600 до 1000 мирных евреев. К концу 1999 года ложность этого обвинения

---

[1] *Jörg Friedrich*: Die 6. Armee im Kessel der Denunziation. Ende der Legende von der sauberen Wehrmachtsausstellung, Berliner Zeitung 30.10.99. S. 1–2.

[2] *Bogdan Musial*: Bilder einer Ausstellung. Kritische Anmerkungen zur Wanderausstellung «Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944», Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte (VfZ) 47, Heft 4, Oktober 1999. S. 563–591.

[3] *Krisztián Ungváry*: Echte Bilder — problematische Aussagen. Eine quantitative und qualitative Fotoanalyse der Ausstellung «Vernichtungskrieg — Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944» Geschichte in Wissenschaft und Unterricht (GWU) 10/1999. S. 586–595.

[4] *Thomas Hertfelder*: Vermittlung. Die Macht der Bilder. Historische Bildforschung. In: Andreas Wirsching (Hg.): Neueste Zeit, Oldenbourg Geschichte Lehrbuch, Oldenbourg Verlag, München, 2006, 2. Auflage 2009. S. 281–292.

казалась уже достаточно выясненной, что и было подтверждено многими средствами информации. Странным образом этот случай выплыл снова на поверхность в материалах хорошо подготовленной второй выставки того же института в 2001–2004 гг. «Преступления вермахта. Масштабы войны на истребление 1941–1944». Тернополю было посвящено 23 страницы каталога[1], то есть в десять раз больше, чем на первой выставке. В главе «Вермахт и геноцид» организаторы вновь утверждали, что в свое время в Тернополе действительно имело место преступление вермахта.

Теперь организаторы выставки попытались доказать истинность этого преступления на основании трех послевоенных свидетельств. Из них интересен только один документ, да и то тем, как сотрудники института, а также историки, изучавшие «Дело Тернополь», обращались с исторической правдой. На одной странице каталога (стр. 105) были напечатаны всего три абзаца из восьмистраничной стенограммы допроса в Мюнхене[2], 5.03.1974 г. Заявления касались «участия немецких солдат» и «волны погромов, прежде всего организованных вермахтом». В конце второго абзаца после предложения «Мой отец тоже погиб во время этой акции» организаторы без всякого основания или объяснения вынули из текста короткую фразу: «Жертв было примерно 5000». Отсутствие этого предложения не дает возможности читателю усомниться в правильности заявления свидетеля О., а также и в том, что сотрудники института не считали эту цифру — 5000 — приемлемой и на прошлой выставке. Однако редкостное разгильдяйство организаторов дошло до

[1] Hamburger Institut für Sozialforschung (Hg.): Verbrechen der Wehrmacht. Dimensionen des Vernichtungskrieges 1941–1944. Ausstellungskatalog. Hamburg 2002.

[2] Vernehmung Dr. Aaron Oberstein vom 05.03.1974 in München, StA beim LG Stuttgart 82 Js 1007/73, Blätter 1338–1345, Vernehmungsniederschrift, München 5. März 1974. ZStLJV 208 AR-Z 13/73.

того, что на стр. 110 одной из тернопольских фотографий сопутствовал факсимильный текст из центра Симона Визенталя: «Погром в Тернополе длился 7 дней, во время которых было убито 5000 евреев».

Известный свидетель доктор Оренштайн, до 1941 г. раввин в Тернополе, во время немецкой оккупации — водитель грузовика на одной немецкой строительной фирме, а с 1945 по 1955 г. главный раввин Баварии, тоже распространял в Германии неправдоподобную цифру в 5000 жертв. Свидетельства, найденные сотрудниками института в архивах, объясняют появление «текста Францля» как нереализованную фантазию убийц.

6. Советская Чрезвычайная Государственная Комиссия (ЧГК) 1942 года

Указом Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 года советское правительство постановило создать комиссию, состоящую из известных личностей, для учета материального ущерба, нанесенного войной, и выявления военных преступлений. Ее полное название: «Чрезвычайная государственная комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР». Основание ЧГК было вполне законной мерой, она соответствовала похожему следственному органу немецкого вермахта. Таким образом, ЧГК еще долгое время после войны считалась серьезным учреждением, возможно, еще потому, что шесть из десяти ее членов были членами академии наук. Только гораздо позднее стало ясно, что официальная версия не вполне соответствовала правде. Политбюро ЦК КПСС и НКВД контролировали ЧГК на всех уровнях. Пропаганда была одним из важных ком-

понентов в работе, и потому у комиссии появился дополнительный секретный заказ.

К концу существования Советского Союза еще не было никаких исследований по ЧГК. Первая диссертация по работе ЧГК, представленная в 1995 г. в США, еще не содержит ссылок на роль НКВД. Диссертация, защищенная в 1995 году в Высшей школе МВД в Волгограде[2], хоть и осталась под замком, но частично была опубликована в Вене[3]. Ее автор А. Епифанов впервые затронул тему особой роли ЧГК в сокрытии преступлений советского режима.

Датский историк Нилс Бо Поульсен в 2004 г. в своей диссертации о ЧГК[4] отметил работу Епифанова как самое основательное из имеющихся исследований о ЧГК. Он был согласен с Епифановым, что «высшие представители государственных и партийных органов тщательно контролировали работу комиссии», что НКВД допрашивало свидетелей для местных отделений ЧГК и что ЧГК «время от времени принимала участие в фальсификации доказательств». К сожалению, Поульсен не углубил выводы Епифанова, а его выражение «время от времени» здесь, несомненно, неуместно.

О методах работы ЧГК и о роли в ней советской секретной службы НКВД впервые рассказала в 2005 г.

---

1 *Marian R. Sanders*, Extraordinary Crimes in Ukraine: An Examination of Evidence Collection by the Extraordinary State Commission of the U. S. S. R., 1942–1946. Ph. D. Diss., Ohio University, 1995.

2 *Aleksandr E. Epifanow*: Cresvycajnaja gossudarstvennaja kommissija po ustanovleniju i rassledovaniju zlodejanij nemecko-fasistkich zachvatcikov i ich soobscnikov i pricinnogo imi uscerba gazdanam, kolchozam, obscestvennym organizacijam, gosudarstvennym predprijatijam i ucrezdenijam SSSR. Istoriko-pravovoj aspekt. Diss. (A) Volgograd 1995.

3 *A. E. Epifanow*: Die Außerordentliche Staatliche Kommission. Eigenverlag Erwin Peter, Wien 1997.

4 *Niels Bo Poulsen*: The Soviet Extraordinary State Commission on War Crimes. An Analysis of the Commission's Investigative Work in War and Post War Stalinist Society. Ph. D. dissertation, Copenhagen, 2004.

в русском[1] и американском[2] журналах московский историк Мария Сорокина. Она обнаружила, что у ЧГК были «свои собственные скрытые цели», секретное задание «записывать» советские преступления на немецкий счет, и что ЧГК «предпринимала далеко идущие и успешные попытки переложить бремя преступлений советской власти на плечи Гитлера». Она ввела для этого широко употреблявшегося успешного метода советской фальсификации истории термин «Катыньская модель». Хоть это выражение встречается в Википедии, в других местах оно пока не принято.

Конкретный пример перекладывания вины за преступления НКВД на немцев произошел на Кавказе в 1942 г. Сорокина, как и Епифанов, цитировала этот случай по одной книге[3], вышедшей в России уже в 1994 г. Речь идет о жертвах войск НКВД в советской автономной республике Кабардино-Балкарии, которые были выданы ЧГК за жертвы немецких войск. Есть и другие опубликованные примеры «Катыньской модели». Так, в 2009 г. Мусиаль установил, что «советские органы, расследовавшие фашистские преступления, выдавали жертвы советского террора за жертвы фашистского террора». Как пример «Катыньской модели» (хоть это и не его определение) он представил факт перекладывания вины на плечи немцев за советские преступления в Гомельском деле[4], скрываемом даже после развала Советского Союза.

---

[1] *Marina Sorokina*: Gde swoi, a gde tschutschie? K istorii rassledowaniia nazistskich prestuplenii w SSSR. Priroda No. 11, 2005, p. 57–64.

[2] *Marina Sorokina*: People and Procedures: Toward a History of the Investigation of Nazi Crimes in the USSR. Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History, Volume 6, Number 4, Fall 2005, p. 797–831.

[3] *K. G. Azamatov et al.*, Cherekskaia tragediia, Nal'chik: El'brus, 1994.

[4] Bogdan Musial: Sowjetische Partisanen 1941–1944. Mythos und Wirklichkeit. Paderborn, 2009, S. 449.

Еще в 1995 г. немецкий военный историк Иоахим Хофман[1] в своей книге «Сталинская война на истребление», в главе «Гитлеровские злодеи. Советские зверства приписываются немцам», на многих примерах описал пропагандистские подделки, представленные советской стороной. На самом деле открытие факта перекладывания собственной вины на плечи немцев принадлежало молодому русскому архивариусу Дмитрию Юрасову, который в 1990 г. дал интервью московской профсоюзной газете «Труд». Он выяснил, что ЧГК имела секретное задание: объявлять массовые захоронения НКВД делом рук немцев[2]. Это разоблачение хотя и было озвучено радиостанцией «Свобода» и опубликовано в одном журнале[3], но не привлекло к себе особого внимания.

Определение действий советской власти как «сознательное и преднамеренное мошенничество» не сработало даже в 1990 г., когда советское руководство подтвердило официально, что «Катыньское дело» — это уничтожение польской элиты руками НКВД весной 1940 г.

Обвинения, предъявленные немецким войскам в Нюрнберге по докладу ЧКГ (доклад комиссии Бурденко, всего лишь один из 27 опубликованных докладов ЧГК), были без лишнего шума сняты международным военным трибуналом (МВТ). Винницкое дело, где убийства, совершенные ранее НКВД, расследовались в 1943 г. двумя экспертными комиссиями, советская сторона в Нюрнберге даже не озвучила.

---

[1] *Joachim Hoffmann*: Stalins Vernichtungskrieg 1941–1945. Planung, Ausführung und Dokumentation. Verlag für Wehrwissenschaften, München 1995.

[2] *O. Gorelow und A. Iwanizkij*: 250 Tausend Namen (Interview mit Dmitri Yurasov), Trud, Moskau, 4.3.1990, S. 4.

[3] *Vera Tolz*: Archives Yield New Statistics on the Stalin Terror. Report on the USSR, Volume 2, Number 36, September 7, 1990, 1–4 (Report on a broadcast of Radio Liberty in Munich on 29 August 1990, RL 370/999).

Во многих местах, где происходила «двойная резня», то есть за советскими зверствами следовали немецкие[1], было относительно просто записать все злодеяния на немецкий счет. По принципу «Катынской модели» ЧГК объявляло каждый раз о таком числе жертв захватчиков, которое соответствовало либо превышало количество жертв НКВД, погибших в данном районе до 1941 г.

Доклады ЧГК, касающиеся большинства населенных пунктов и регионов, как и основной доклад, оставались под замком. Тем не менее их заключения, преувеличения и фальсификации разошлись по всему миру (каким образом — это еще предстоит выяснить), и попали в научную литературу и справочники точно так же, как и 5-тысячное число тернопольских жертв[2]. Эта ошибка десятилетиями с готовностью цитировалась, публиковалась и принималась на веру. Даже еще в 2007 г. в книге американского историка Омера Бартова[3], а в начале 2008 г. — в кратком переводе этой книги на немецкий язык[4]. В отличие от большинства историков и журналистов, переписывающих одно и то же, как раз Бартов должен был бы давно знать детали тернопольского дела, поскольку он до 1999 г. участвовал в организации параллельной выставки Гамбургского института в США и до ноября 2000 г. был в составе «независимой» исторической комиссии[5].

---

1 *Irina Paperno*: Exhuming the Bodies of Soviet Terror, Representations 75 (Summer 2001), S. 109.

2 *Martin Gilbert*: Endlösung. Die Vertreibung und Vernichtung der Juden. Ein Atlas. Reinbek 1982, S. 67, und viele andere Nachschlagewerke.

3 *Omer Bartov*: Erased. Vanishing Traces of Jewish Galicia in Present-day Ukraine, Princeton University Press, Princeton and Oxford, 2007, S. 54.

4 *Omer Bartov*: Weiße Stellen und schwarze Löcher. Vergangenheit und Gegenwart in Ostgalizien, Naharaim. Zeitschrift für deutsch-jüdische Literatur und Kulturgeschichte. Band 1, Heft 2, Januar 2008, S. 187.

5 *Omer Bartov, Cornelia Brink, Gerhard Hirschfeld, Friedrich P. Kahlenberg, Manfred Messerschmidt, Reinhard Rürup, Christian Streit, Hans-Ulrich Thamer*: Bericht der Kommission zur Überprüfung der Ausstellung «Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944», Hamburg, November 2000.

7. Доклад ЧГК о Тернополе 1944 г.

Когда Красная Армия вновь заняла Тернополь летом 1944 г., в городе, как и везде, начала действовать комиссия ЧГК, руководимая партией и НКВД. Комиссия составила акт, в котором говорилось, что «немцы с помощью местных украинских националистов»... «в первые дни немецкой оккупации уничтожили примерно 5000 мирных советских граждан, в том числе женщин, детей и стариков[1].

Доступ к этой информации стал возможен гораздо позднее. Однако каждый историк уже с 1991 г. мог обнаружить, что число 5000 впервые было названо НКВД в конце июля 1944 г. Маловероятно, что НКВД установило такое количество жертв путем широкого опроса выживших. ЧГК, зная примерно, какое количество жертв оставило после себя НКВД в Тернополе с 1939 по 1941 г., взяла это число за основу, увеличила на порядок и результат приписала немцам, совершенно в духе «Катыньской модели».

Количество жертв погромов в Тернополе, увеличенное в десять, если не больше раз, после 1944 г. (без указания на ЧГК как источник информации) распространялось и встречалось даже за пределами Советского Союза — в мемуарах и свидетельских показаниях, данных в суде. Эти непроверенные данные попали в справочники и научную литературу. До сегодняшнего дня историки не понимают, что это подделка, подтасовка или фальсификация, которая повторяется из книги в книгу.

Только в 2002 г. в одной статье, посвященной «Делу Тернополь»[2], было наконец указано, что число 5000 было названо ЧГК в 1944 г. и что заключение

---

[1] Städtische Kommission Tarnopol der ASK. Urkunde vom 31.7.1944, Staatsarchiv der Russischen Föderation, Moskau (GARF) 7021-75-105.

[2] *Dieter Schmidt-Neuhaus.* Der Fall Tarnopol Juli 1941. In: Seidler/de Zayas (Hrsg.): Kriegsverbrechen in Europa und im Nahen Osten im 20. Jahrhundert. Hamburg, Mittler, 2002, S. 167–169.

комиссии о течении событий и количестве жертв — фальшивка, точно такая же, как и еще более раздутые цифры Кагенека. В то время еще не было объяснено, каким образом эта фальшивая информация могла распространиться так широко.

Кроме Катыни и Винницы, советским удалось переложить на немцев большинство своих преступлений. Это было легко, поскольку в местах, оккупированных немцами, было много расстрелянных мирных жителей, их могил и массовых захоронений[1]. Как утверждалось в одном винницком расследовании[2], «иногда трудно отличить жертвы Сталина от жертв Гитлера». С помощью «Катыньской модели» Советской власти удалось обвинить немецкую сторону в гораздо больших преступлениях, чем нацистский режим на Востоке совершил на самом деле.

8. Фальсификация истории «фильтрацией» и манипуляцией выживших

Каждый гражданин, который во время Второй мировой войны находился за границей, особенно вражеской, без специального задания или разрешения властей, был для советского режима персоной подозрительной. Попасть в плен считалось преступлением. Военнопленные рассматривались как предатели, а гражданское население во вражеских руках — как коллаборационисты.

Все военнопленные и увезенные на принудительные работы — миллионы людей, возвращенных в Советский Союз после 1944 г., были пропущены вначале через более чем сотню организованных НКВД проверочно-фильтрационных лагерей (ПФЛ). При-

---

¹ Ereignismeldungen UdSSR, Bundesarchiv (BAB), R 58, Nr. 214–221.

² *Irina Paperno.* Exhuming the Bodies of Soviet Terror. Representations 75. Summer 2001, S. 90.

мерно 10% из них были осуждены или посланы на принудительные работы. Но даже и те, кто был отпущен домой, всю жизнь оставались под надзором партийных органов и милиции. Этот факт упоминался уже в 1995 г. в одной диссертации и затем был подробно описан в литературе[1].

Легко догадаться, что каждый советский гражданин, находившийся во временно оккупированных немцами местах, то есть уже ставший однажды жертвой Гитлера, немедленно после освобождения был «охвачен» советскими органами. Он не только снабжался документами, необходимыми для дальнейшей мирной жизни, работы, получения медицинской помощи и т. д., но и «фильтровался» секретными службами, становясь, таким образом, снова жертвой, на этот раз Сталина.

Тема «фильтрации освобожденных» до сих пор не затронута в достаточной мере в литературе. Существуют единичные скупые, но ясные намеки. Павел Полян указывал на то, что «на территориях, освобожденных Красной Армией... в полном объеме становилась проблема фильтрации или проверки освобожденного населения»[2].

Гёкен-Хайдль в большом исследовании о репатриации коротко высказывалась точно в таком же духе: «За Красной Армией, движущейся на Запад, по пятам следовали советские секретные службы, которые проверяли поведение и отношение к советской власти освобожденного населения во время оккупации, а позже и тех, кто находился в Западной Европе»[3].

---

[1] *Pawel M. Poljan: Deportiert nach Hause. Sowjetische Kriegsgefangene im «Dritten Reich» und ihre Repatriierung.* R. Oldenbourg Verlag München/Wien, 2001.

[2] *Pawel M. Polian:* Stalin und die Opfer des nationalsozialistischen Vernichtungskrieges. In: Jürgen Zarusky (Hg.): Stalin und die Deutschen. Oldenbourg Verlag München 2006, 89–109.

[3] *Ulrike Goeken-Haidl:* Der Weg zurück. Die Repatriierung sowjetischer Zwangsarbeiter und Kriegsgefangener während und nach dem Zweiten Weltkrieg. Essen, Klartext, 2006.

После возвращения своих территорий Советская власть присвоила себе полномочия толковать историю по-своему, и никто не имел права на иную точку зрения, и прежде всего находящееся под постоянным подозрением «освобожденное» население. О сталинских преступлениях, разумеется, в высших сферах власти десятилетиями хранилось полное молчание.

Проходя процедуру фильтрации и боясь очередных репрессий, освобожденные на допросах, естественно, принимали советскую версию прошедших событий во время немецкой оккупации. Эту же версию они повторяли и впоследствии. Таким образом, НКВД удалось распространить свою трактовку исторических событий не только через агентов, засланных на Запад, но и с помощью выживших очевидцев, сумевших покинуть пределы Советского Союза.

Естественно, все важные свидетели тернопольского дела были «охвачены» и «профильтрованы». И госпожа Маргулис конечно же не упоминала в протоколе в Варшаве, в мемуарах, а также в свидетельских показаниях в западногерманском суде о своих контактах с местными органами НКВД и о том, какое влияние они оказывали на ее показания. До конца жизни она осталась верна фальсифицированным данным ЧГК.

Некоторые из тех свидетелей, которым удалось со временем вырваться на Запад, рассказывали тем не менее о своих проблемах с советскими секретными службами[1,2]. Однако, как известно, никто из тех, кто под давлением давал фальшивые показания, не признался в этом и не объяснил, что с ним произошло и почему и потом, на Западе, он повторял одну и ту же ложь. Никто не сознался в том, что он распростра-

---

[1] *Eliyahu Yones*: Die Straße nach Lemberg. Zwangsarbeit und Widerstand in Ostgalizien 1941–1944. Fischer, Frankfurt/Main, 1999, S. 204.

[2] *Leon W. Wells*: Ein Sohn Hiobs. Hanser, München, 1963, S. 305.